Случайный
ПАПА
Наталья Ручей

Наталья Ручей

Случайный папа

«Автор»

Ручей Н.

Случайный папа / Н. Ручей — «Автор»,

- Я отец твоего будущего ребенка! Чушь, просто чушь! Не может такого быть! В клинике, выбирая донора для ЭКО, я остановилась на красивом интеллигентном французе. Так что этот огромный бородатый мужик, похожий на бандита, точно не может быть нашим папой! И все же... Это оказалось правдой. А жуткий тип, появившийся у меня на пороге, не собирается оставить нас с будущим малышом в покое. Он собрался участвовать в жизни ребенка. И в моей!

© Ручей Н.
© Автор

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 22
Глава 6 26
Глава 7 30
Глава 8 34
Глава 9 38
Глава 10 43
Глава 11 47
Глава 12 51
Глава 13 56
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Случайный папа
Автор: Наталья Ручей

Пролог

– Вы кто?

В открытую дверь квартиры настойчиво лезут разноцветные воздушные шарики, которые в руках держит мужчина, но мне все же удается его рассмотреть.

Высокий, метр восемьдесят пять или даже повыше, широкоплечий, жилистый, темные волосы, борода, джинсы, распахнутая кожаная куртка. Пронзительный взгляд темных глаз, от которых непроизвольно хочется спрятаться.

Почему-то я начинаю волноваться, хотя повода нет. Я на своей территории. Мы не знакомы. Скорее всего, человек просто ошибся. Терпеливо жду, когда он это поймет и сделает шаг назад, чтобы я могла закрыть дверь.

А он не торопится.

Его взгляд скользит по моему лицу, опускается ниже, заставляя меня занервничать и повторить:

– Вы кто?

– Ваш папа, – наконец поясняет он.

Когда-то давно, когда мама рассказывала, что мой папа – капитан дальнего плавания, я очень мечтала об этом моменте. И представляла, как он придет, а я брошусь ему на шею и ни о чем никогда не спрошу! Никогда. Ни о чем.

А теперь, когда мне исполнилось двадцать девять, а мужчине, претендующему на роль моего родителя, ну… на вид максимум немного за тридцать, все-таки не могу удержаться от комментария:

– Рановато вы начали.

– Не твой папа, – сообщает он мрачно и кивает на мой пока еще не особо большой, но уже довольно заметный живот. – Я отец твоего будущего ребенка.

Чушь, просто чушь! Не может такого быть! В клинике, выбирая донора для ЭКО, я остановилась на красивом интеллигентном французе. Так что этот огромный бородатый мужик, похожий на бандита, точно не может быть нашим папой!

– Скажите что-нибудь по-французски! – требую я, чтобы расставить все точки над «i» и с чистой совестью захлопнуть перед ним эту чертову дверь.

– Я тоже не в восторге от того, что случилось. Но это мой ребенок, и я собираюсь активно участвовать в его жизни. Вот такая вот се ля ви, Натали.

Он хмуро сдвигает темные брови, а я испуганно застываю.

Меня поражает не то, что он прислоняется к косяку, будто разгадал мои планы.

И не эти три слова, которые он сказал по-французски.

И даже не то, что он назвал мое имя.

А то, что я, кажется, его узнаю.

Глава 1

Наталья, полгода назад

– Ну что, – Ира поднимает бокал с пузырящимся шампанским, – помянем твоего бывшего и отпустим с миром? Или по нему ты тоже собираешься скорбеть год?

Люблю ее оптимизм и веру в меня. Мы обе знаем, что год – слишком маленький срок. Первого своего бывшего я не могла забыть года три, второго лет пять, а Степана…

С учетом, что каждый раз срок моей скорби по ним увеличивался, боюсь, что и пятью годами дело не обойдется. И сколько мне тогда будет? Двадцать девять плюс… ну пусть даже плюс пять при хорошем раскладе…

К моменту, когда я действительно решусь его мысленно отпустить, мне будет уже тридцать четыре!

А здесь каждый год на счету. Права Ира, время летит так стремительно, что чуть-чуть зазеваешься – и скорбеть по мне самой будет некому.

У меня ведь были свои планы на жизнь, и я даже не заметила, как настойчиво пыталась воплотить в жизнь чужие.

Хватит.

Самое время подумать и о себе.

Подставляю бокал для шампанского.

Какое-то время тишину заполняет наш дружный хруст шоколадкой с печеньем.

– Не собираюсь я больше скорбеть. Хватит с него и недели. Пусть живет, как сам захотел, – заявляю я и решительно переворачиваю фотографию со Степаном, на которой мы еще были вдвоем. – У меня другие планы, и слезы в них точно не входят.

– Надеюсь, релакс и разврат? – подмигивает подруга, опять обновляя шампанское.

Заметив, как я качаю головой, она немного скисает, даже ее длинные серьги издают грустный звон.

– Ну хотя бы что-то из двух?

– Ни то, ни другое. Мне предстоит тяжелый труд, долгое ожидание и бессонные ночи. Я собираюсь родить ребенка!

Ирина неделикатно пытается рассмотреть мой живот, но, так как моя безразмерная футболка, в которой я хожу всю эту неделю печали, ей в этом не помогает, это делаю я.

– Нет, я пока не беременна.

– Если ты всерьез… – Она вновь водружает фото на стол и рассматривает его, чуть поморщившись. – Ты ведь наверняка ему скандал не устраивала и слезы при нем не лила. Так и ушел мужик, не проникнувшись. Шансы есть. Если ты позвонишь… и потом, в порыве твоих терзаний, вы еще разок на прощанье… так многие делают… Бывшие – они как убийцы, их тянет на место преступления.

– Пусть. Ключи он оставил, а я ему проникнуть сюда больше не планирую помогать. Не уверена, что хотя бы этой футболке смогу вернуть божеский вид. Не хочу тратить на него еще и другую. Это эксклюзив, таких больше не продают.

Ира пристально смотрит на мою футболку с тремя мамонтенками, подозреваю, в силу профессиональной привычки их пересчитывает и убеждается, что они все на месте. Ну или до нее доходит, что суть все же в другом.

– То есть ты хочешь ребенка не от Степана? А от кого?

– Да без разницы. Я просто хочу родить для себя.

На самом деле я давно об этом мечтала. Хотела родить молодой, чтобы возрастной разрыв с ребенком был меньше. Просто раньше была уверена, что для этого нужна любовь и серьезные отношения. А теперь поняла, что это не имеет значения.

Не получается у меня.

К чему тратить впустую еще несколько лет?

В данном вопросе возраст не в помощь. У некоторых из моих знакомых дети уже ходят в школу, другие мечтают родить, а не могут, как ни стараются. У кого-то врачи уже вырезали все, что могли.

Нет, не хочу больше тянуть!

Но вместо того, чтобы меня поддержать, подруга, выслушав мои аргументы, уверенно заявляет:

– Наташка, это не мечта! Это в тебе говорят твои страхи! В данном случае страх одиночества. Но я тебе помогу!

– Каким образом?

– Мы с этими страхами будем бороться!

– Собираешься остаться с ночевкой – так и скажи.

– Что это ты меня укладываешь? Не собираюсь я еще спать! – ворчит она возмущенно, а потом подрывается, куда-то уходит с кухни и возвращается с блокнотом и ручкой. – На вот, займись делом, пока я занята!

Ну, какое у нее занятие – это понятно, она разливает шампанское. А я так и продолжаю недоуменно смотреть на блокнот, который она ко мне подпихнула.

– Хорошо, попробуем мягче. Просто скажи мне, чего ты боишься!

– Сейчас? Того, что нам не хватит бутылки шампанского и придется переодеваться и идти за добавкой.

– Ну да, и на время бросить в одиночестве твоих мамонтенков! Нет уж, это серьезный вопрос, и ответов я жду осознанных. Давай, покопайся в себе, залезь за подкорку, выуди на свет божий эти тени, которые мешают тебе жить спокойно!

– Как поэтично ты говоришь! Никогда не думала, что бухгалтерия может так вдохновлять!

– Не подлизывайся. Я не передумаю. И не отстану. Но в качестве стимула обещаю, что, если ответишь честно, я сама обеспечу тебе дополнительные градусы удовольствия.

Убедительно.

Принимаюсь действительно думать на заданную тему. Заметив, что я всерьез, Ира подпихивает блокнот и ручку поближе, и я даже записываю.

– Чего только не сделаешь ради беззащитных животных, да? – усмехается подруга, принимая работу. – Уверена: Гринпис тебе аплодирует!

Но по мере того, как она читает, улыбка сползает с ее лица.

– Ты это всерьез? – Мне достается недоверчивый взгляд. – Нет, ну в то, что ты боишься подойти первой к мужчине, я верю. Первой признаться в любви – принимается. То, что у тебя страх темноты, я знаю. А дальше что за чушь? «Боюсь домового, мотоциклов и что на моей могиле вырастет высокий ковыль!» Да еще в одну строчку, как будто это связано! А если допустить мысль, что связано… Ты что, боишься, что тебя на мотоцикле украдет домовой, не справится с управлением, а потом еще и с травой на твоей могилке?!

– Ой, слышишь? – прерываю я ее возмущения и обеспокоенно оглядываюсь.

– Что? – шепчет подруга, проникнувшись ситуацией.

– Гринпис только что прекратил овации, узнав, как слабо я верю в русскую нечисть!

Мы хохочем, допиваем шампанское, и казалось бы, задания позабыты. А вместе с ними и цель нашей встречи – я всего пару раз бросила взгляд на фотографию в рамочке. И всего

несколько раз поправила ее: исключительно потому, что она плохо лежала. И нет, я не думала в этот момент о Степане, зачем? Он выбрал другую, ему с ней лучше, а я…

– Давай собирайся!

Командный голос подруги заставляет меня очнуться и отдернуть пальцы от фотографии.

– Куда?

– Пойдем развеемся.

– Понятно. Кто-то не хочет один сходить в магазин.

– Я не обещала сходить в магазин. Я обещала обеспечить тебе дополнительные градусы удовольствия! А как я это сделаю – дело мое! – Заметив, что я медлю, подруга прищуривается и кивает на фото. – Определись: ты хочешь повеселиться и встряхнуть свои косточки или и дальше оплакивать своего мистера «Недельку»?

Знает, на что давить. После всех моих заверений, что «с меня хватит» и «никогда больше, ни единой слезы», я не могу оплошать. Выбираю первое предложение. И пока я меняю уютную футболку на провокационное короткое платье, которое из моего же гардероба выбрала для меня подруга, она продолжает бурную деятельность. Я слышу, как она с кем-то созванивается, и по обрывкам фраз уже понимаю, что меня ждет.

– Привет, Алис, как там твой масик?.. Ой, он чудо!.. Так, сбрось мне его новые фотки!.. Ага… Слушай, Алис, а где бы ты потусила в нашем городе?.. Ну да, чтобы не малолетки собирались, но и не те, кто в случае, если к ним подсядет красивая девушка, вместо того чтобы познакомиться, начнут ворчать, что здесь и так тесно… Ну да, просто встряхнуться, немного хапнуть адреналина… Да? Ой, круто! Скинь мне, пожалуйста, адрес!.. Кириллу привет, масику от меня поцелуйчик!

Выйдя из комнаты, застаю подругу у зеркала. Она поправляет свои светлые волосы, придирчиво рассматривает платье, но в итоге, кажется, остается довольной. Ее платье хоть и строгое, но ей очень идет, выгодно подчеркивает фигуру, которой не все девушки и куда помоложе могут похвастаться.

Ире сорок, но если бы она сама всем подряд об этом не сообщала, мало кто догадался бы.

Встав у нее за спиной, я все же вношу в ее прическу легкие коррективы. А больших и не требуется, потому что у нее отличный постоянный стилист – это я. Так только, делаю ее пряди слегка небрежными. Последний штрих – макияж нам обеим, это у меня тоже получается хорошо.

Ну вот, теперь любо-дорого посмотреть!

И я смотрю на ее отражение: и что мужикам этим надо? А потом перевожу взгляд на свое отражение и опять тихонько вздыхаю. Степан так хвалил мои красивые длинные волосы, так восхищался их каштановым цветом, раз сто говорил, что без ума от моих синих глаз, восторгался фигурой, признавался, что влюбился с первого взгляда, а толку? При таком количестве моих недостатков все это не имеет значения.

– Эй, не грусти, – обернувшись, просит подруга. – У меня отличные новости! У нас с тобой намечается два в одном!

– Все-таки заночуешь?

– Нет, я планирую не только выбить из тебя навязчивые мысли – «поплакать и поспать», – но и избавить тебя от тех страхов, что ты записала. Ну, хотя бы от части из них. Чтобы ты поняла, что они ерунда, признала, что я права и на самом деле ты боишься другого.

– У тебя хорошо получается. Мне уже слегка страшно выходить из квартиры.

Ира распахивает дверь и приглашающе машет рукой.

А меня как будто что-то удерживает.

И в то же время подталкивает, заставляя переминаться и медлить.

– Не боись, я с тобой! – заверяет подруга. – И потом, мы же поедем не в какое-то злачное место!

– Точно?

– Мне его посоветовала мама маленького очаровательного малыша! Она сама часто посещала этот клуб, пока не уехала в Испанию!

– Лучше бы ты поинтересовалась у нее не где можно хапнуть адреналина, а где она забеременела.

– Тебе ее опыт не подойдет. Для начала она вышла замуж.

И вот еще тогда у меня появились сомнения, что зря мы собираемся в этот клуб. Если у нашего советчика такие старомодные взгляды на жизнь…

А уж когда мы оказались на месте…

В общем, с одним страхом я рассталась мгновенно. Потому что осознала: когда я медлила у порога, это не был страх выходить из квартиры.

Это подавала знаки моя чуть охмелевшая интуиция.

Глава 2

Наталья

Я бы заподозрила что-то неладное, еще когда мы сюда подъезжали, но Ира всю дорогу отвлекала меня разговорами.

И вот теперь, если оглянуться, можно с одной стороны лицезреть какой-то пустырь, с другой – судя по всему, складские помещения, в темноте выглядящие зловеще, но куда более жуткое зрелище предстанет, если взглянуть прямо перед собой.

На здании, которое, кажется, дышит на ладан, ярко горит вывеска «У Гнома», а еще на ней весьма реалистичное изображение черепа с пивной кружкой. Кому как, а мне в этом видится явный намек на то, где и от чего именно скончалась эта модель.

Впрочем, о судьбе прототипа я прекращаю думать, когда у меня за спиной раздается мощный гудок. Подскочив, оборачиваюсь, и меня обдает холодной волной: мимо, усмехаясь и нагло пялясь на нас, проносится вереница байкеров. Причем один страшнее другого – мощные мотоциклы, мощные байкеры, а от черепов на их футболках возникает ощущение, что я наблюдаю за маршем скелетов на кладбище.

– Мне кажется, твоя подруга ошиблась, – бормочу я, пятясь в сторону, ну и немного за Иру, чисто случайно, конечно. – Она не могла посоветовать двум одиноким девушкам отдохнуть здесь.

– Если бы эти байкеры клевали на всех одиноких девушек, ты представляешь, какая бы сюда выстроилась очередь? Хотя в твоем возрасте еще простительно верить в чудо. Пойдем. Ничего она не ошиблась! Нам нужно сюда!

– Мы не подойдем по дресс-коду!

Я понимаю, что мое сопротивление выглядит жалко. И даже не потому, что я спорю шепотом, опасаясь, что байкеры, несмотря на шлемы, могут меня услышать и оскорбиться. А потому, что кто-то явно жульничал и наливал себе шампанского больше, чем мне, и теперь я боюсь за двоих.

Ира настойчиво подталкивает меня к бару и к толпе байкеров, которые бодро заходят внутрь заведения. Кто-то, правда, еще тусуется у импровизированной парковки, и их громкий смех не располагает к тому, чтобы ускориться, хотя хватка подруги и становится жестче.

Еще один сигнал сзади заставляет меня сначала практически отпрыгнуть, чтобы пропустить двух байкеров, а потом и остановиться совсем. Оглядываюсь в надежде, что таксист еще не уехал, но где там. У него явно с чувством самосохранения получше, чем у меня.

– Посмотри, здесь есть и девушки, – увещевает меня подруга. – Так что это обычное приличное заведение.

Некоторые байкеры действительно приехали не одни и теперь мнут или бока своим подружкам, или филейные части.

– То же самое ты говорила про сеть ресторанов, в которой работаешь. Хочешь сказать, что там так же?

– По-моему, здесь куда круче. Только моему шефу не говори!

Киваю. Можно подумать, ее шеф запишется ко мне на стрижку. А еще можно подумать, что я могу что-то внятно произнести. В глазах начинает рябить от мотоциклов, поцелуев взасос и огромных бород.

Еще одна попытка сдвинуть меня с места проваливается.

На долю секунды.

А потом, пусть и медленно, мы все же начинаем приближаться к бару. Кстати, вход у него в полуподвале, оформлен в виде норы, и как-то жутковато наблюдать, как туда спускаются, а потом и исчезают массивные бородачи. Если уж они пропадают…

– Ты много читаешь… – бормочу я по этому слишком короткому пути. – Скажи, ты хоть раз слышала про добрых гномов?

– Нет. Ни разу, – подумав, признается подруга. – Но и про озабоченных среди них тоже информации не попадалось.

И вот на этой оптимистической ноте мы все-таки приближаемся к гномьей норе. И даже ныряем в нее.

Ира – грациозно, а я, как и полагается попадать в норы, – почти с головой. Потому что цепляюсь каблуком за ступеньку. Только и успеваю, что зажмуриться и испуганно пискнуть, как вдруг меня кто-то подхватывает. Причем настолько уверенно, что я отделываюсь лишь тем, что ударяюсь обо что-то щиколоткой.

В полной уверенности, что это подруга, я открываю глаза и готовлюсь ей петь хвалебные оды. Но вдруг замечаю ее перед собой, а не у себя за спиной. Ну да, она ведь и не может стоять позади меня, рассуждаю заторможенно я, потому как шла впереди…

Опустив взгляд, смотрю на сильные руки, которые обхватывают мою талию. Мужские руки. И они вместо того, чтобы отпустить меня, сжимаются лишь сильнее.

Пытаюсь отстраниться – не получается.

Хотя бы отодвинуться – тоже, увы, не выходит.

Мне даже кажется, я слышу смешок позади, как будто мужчину забавляют мои неловкие попытки вернуть себе свободу.

А потом…

Потом меня обдает запахом терпкого мужского парфюма и вкрадчивым шепотом:

– Что нужно сделать?

– Набирать срочно 102?

На этот раз смешок мне не слышится. Как и то, что его дыхание задевает мои волосы и похлеще фена нагревает макушку.

– Еще варианты?

– Старшему брату-боксеру. Но мне с этим не повезло.

– Последняя попытка.

Раз последняя, беру помощь друга! Многозначительно смотрю на Иру, и она даже подает какие-то тайные знаки. Но слишком перемудрила с шифровкой или я слегка паникую, потому что не могу ее разгадать.

Растерявшись, прикасаюсь к мужской ладони. Медлю в нерешительности, вожу по ней пальцами. А потом принимаю медленный выдох у себя за спиной за явное одобрение и уже смелее пытаюсь расслабить хотя бы один мужской палец. Приходится с ним повозиться, конечно, но в итоге палец приподнимается, освобождая меня. И только я берусь за другой…

– Этот массаж – не попытка, детка, а пытка.

На мгновенье мне кажется, что меня прижимают сильнее, практически вдавливают в себя, но не успеваю я испугаться, как оказываюсь наконец на свободе.

Торопливо спускаюсь по ступенькам к Ире, которая делает вид, что ничего не случилось.

– Почему ты не спешила меня спасать? – шепотом возмущаюсь я, когда по моим ощущениям мы уже достаточно отдалились от незнакомца.

– Ты его видела? – фыркает она. – Если бы ты меня бросилась спасать от него, я бы тебе этого никогда не простила! Так что я просто не хотела терять нашу дружбу.

Нет, не видела – и, думаю, к лучшему. Иначе мелькали бы мысли звонить не по телефону 102, а 103.

В этом я убеждаюсь, когда Ира издает полный восхищения возглас и косится на бармена – мрачного, коренастого, с густой бородой, на которой можно тренироваться делать косички. И конечно, марширует к нему. Я иду следом.

И наши каблуки кажутся особенно громкими в поразительной тишине, хотя за столами довольно много людей.

А вот за стойкой никого нет. Сажусь на высокий стул, терпеливо жду, пока Ира насладится бородатым виденьем. Хотя это и нелегко: спина в этом платье открыта, и ее начинает чуть жечь от пристальных взглядов.

А потом сзади нас раздаются шаги.

Мне и оборачиваться не нужно, достаточно нот парфюма, чтобы понять: к нам приближается тот, кто обнимал меня на лестнице бара.

Я напрягаюсь так, что моей выправке могли бы позавидовать и кадровые военные. Почему-то постоянно думаю об оголенной спине. Если он к ней прикоснется…

Почему я не в своей майке? Она никому не нравится, кроме меня! В ней уютно, надежно, а сейчас…

Он останавливается.

А я чувствую себя практически голой. И беззащитной. И резко дергаюсь, когда снова вижу перед собой ту самую мужскую ладонь.

– Ты чего? – оборачивается Ира.

Ну и как ей объяснить, что я ощущаю себя полной дурочкой, потому что мужская ладонь, не задевая меня, продвигается вперед и обхватывает бокал с пивом. А потом исчезает, как и ее хозяин.

– Немного неудобно сидеть, – оправдываюсь. – Может, уже что-то закажем и пересядем за столики? Тот, что ближе всех к выходу, еще свободен.

Ира с явной неохотой разрывает зрительный контакт с барменом и двигает ко мне скупое меню.

– Здесь, наверное, все пьют исключительно пиво, – вздыхаю я. – Может, лучше не выделяться? А то мы и так… на виду.

– Думаешь, коктейль здесь сделать не смогут? – расстраивается подруга.

– У меня почти нет в этом сомнений.

Она решает проверить. Подает знак бармену и, когда тот отвлекается от деловитой натирки бокалов, интересуется:

– Скажите, пожалуйста, вы можете организовать нам коктейли?

– С водкой и пивом? – предлагает тот варианты. – Или по-простому – из двух сортов пива?

Испугаться не успеваю: взглянув на меня, он нагло усмехается в бороду и принимается смешивать совсем другие напитки. Услышал! Хотя я вроде бы тихо…

У Иры появляется повод еще больше им восхищаться, а у меня возможность хоть немного расслабиться.

Минут десять уже сидим, все спокойно – можно расслабиться. Посидеть еще столько же, выпить коктейль и уехать без приключений.

Но это мои планы, и они мало совпадают с планами Иры. Да, она соглашается пересесть за столик у выхода: оттуда тоже прекрасно видно бармена. Но одного коктейля, тем более такого вкусного, ей кажется мало. И второй не трогает ее черствую душу, когда я демонстративно начинаю зевать.

А вот на третьем коктейле она расслабляется, откидывается на спинку кресла и начинает лезть в душу мне.

Долго рассказывает, что страхи нужны для того, чтобы мы росли над собой, чтобы преодолевали их, делая свою жизнь более насыщенной и интересной. Довольно убедительно, кстати. Она даже приводит примеры из жизни своих знакомых.

И вот не знаю, то ли дело в коктейлях, то ли в том, что ее призвание – не бухгалтерия, а пастор в какой-нибудь секте, но я вдруг чувствую непреодолимое желание встать и что-нибудь сделать! Чтобы моя жизнь тоже заиграла новыми красками! И чтобы я могла самой себе завтра утром сказать: «Я сильная! Я смогла!»

Наверное, я даже озвучиваю это желание вслух. Ну или у подруги и правда талант земного мессии и она догадывается о том желании, которое переполняет меня. Потому что, серьезно кивнув, она меня обнадеживает:

– У тебя есть такая возможность. Один из твоих страхов – подойти первой к мужчине, не так ли? Я предлагаю тебе прямо сейчас избавиться от него!

Она кивает куда-то в сторону, заставляя взглянуть на троих мужчин. Огромных. Один еще и упитанный. У всех троих длинные волосы, а бороды как лопаты. Наверное, это приложение к их снайперским взглядам, которыми они награждают наш столик.

И чувствую я, что вера моя слаба…

Глава 3

Наталья

– Ну что ты так пугаешься? – удивляется подруга. – Просто к ним подойди.

– А что дальше?

– Ого, ты всегда рассчитываешь на перспективу?

Я шикаю, потому что она говорит слишком громко. А тут музыка тихая, больше слышны разговоры. И я не хочу, чтобы кто-нибудь услышал и наш. Мне и без того не по себе от начавшейся паранойи: мне кажется, что на нас смотрят все. Ну разве что за исключением бармена.

Тот, к сожалению Иры, неспешно натирает бокалы и беседует с какой-то блондинкой, которая ошибочно принимает стойку за подставку для пышного бюста.

А когда в бар заходит еще парочка байкеров, все голоса мгновенно стихают и мне вообще становится как-то нехорошо. По позвоночнику пробегает холодный озноб, живот скручивает. Ну или все дело в том, что нужно было воспользоваться советом бармена и выбирать коктейль из двух сортов пива.

– Я рассчитываю на то, что наша прогулка подходит к концу. – Достав телефон, вбиваю заказ в службу такси под осуждающим взглядом. – Машина скоро приедет, так что допиваем коктейль и уходим.

– Самое простое. Не знаю тогда, что и делать с твоим ковылем, – вздыхает подруга. – Я не понимаю, что мешает тебе просто подойти к кому-то из этих мужчин.

– Может, то, что они действительно выглядят устрашающе?

– Понятно! – оживляется она, заинтересованно оглядываясь по сторонам. – Ты просто не под тем углом смотришь! Смени ракурс и увидишь совсем другую картину. К примеру, вот те, за ближайшим к нам столиком, веселые, уже полчаса тянут одну кружку пива. А еще на них много шерсти, так что они как твои любимые безобидные мамонтенки! Ну как?

– Все, чего ты добилась, – мне только сильнее захотелось домой.

И лучше бы поскорее, потому что такое ощущение, что напряжение теперь чувствую не только я, но и другие посетители бара. Разговоры стали приглушенными, как будто все притаились.

Такси обещает быть минут через десять, но я не выдерживаю.

– Не хочешь пока выйти на улицу?

– Нет, – отказывается подруга.

И бросает взгляд в сторону бармена.

– Тогда я отлучусь в дамскую комнату. Надеюсь, она здесь имеется.

– Я сейчас уточню!

Ира подходит к бармену – кто бы сомневался, только не я. Мне кажется, он не без удовольствия отвлекается от блондинки, но разговор довольно короткий. Или дело в том, что благодаря ловкому движению девушки бюста на стойке становится больше, или Ира думает, что мне срочно, и потому так быстро возвращается к столику.

– Это там!

По ее мощной подсказке в виде неопределенного кивка я выхожу из зала и в конце длинного коридора-тоннеля нахожу дамскую комнату. Здесь с подсказками везет значительно больше. Дамская комната отличается от мужской тем, что на двери череп в косынке.

Внутри обычная обстановка, так что на какое-то время я даже забываю, где нахожусь. И вообще мои предчувствия и ощущения кажутся глупыми.

Ну посидели в незнакомом месте, кто как, а я точно хапнула адреналина. И байкеры не такие и страшные. Никто не клеился и не сказал ни единого грубого слова.

Может, я просто отвыкла. Со Степаном мы перестали куда-либо выходить. Он говорил, что ему нравится проводить время со мной, а не с кем-то и от людей он устает на работе. А готовлю я лучше, чем в ресторане. Это уже потом…

Встряхнув головой, я поднимаю голову и смотрю на свое отражение. Но все, что я сейчас вижу, – макияж, который скрывает и круги под глазами, и припухлость от слез. Макияж. Не себя.

Хватит! Не хочу больше думать о бывшем! Так все запасы косметики закончатся в рекордные сроки!

И вообще, может быть, мое нежелание подойти к какому-то байкеру – это просто попытка сохранить мост для Степана? Как и в предыдущих случаях до него? То есть мои намерения – только слова, а по сути я ничего не меняю?

Из комнаты я выхожу в отвратительном настроении. Ни слышать, ни видеть никого не хочется, за что и получаю расплату – практически врезаюсь в кого-то. А он как скала, хорошо, что задела только плечо.

– Простите, – бормочу я, обходя его.

Но он неожиданно обхватывает меня за плечи.

– Тебя кто-то обидел?

– Нет.

– Тогда почему у тебя такое лицо?

– Наверное, макияж немного потек. Сожалею, что вам пришлось это увидеть.

Надо мной раздается смешок. И я узнаю сначала его, а потом и запах одеколона. И вместо того, чтобы вырваться и уйти, поднимаю вверх голову и смотрю на мужчину, с которым столкнулась уже дважды за день.

Наверное, я делаю слишком резкое движение или сама не заметила, что успела всплакнуть, потому что я вижу его не слишком отчетливо.

То есть вижу, но он как будто слегка расплывается, и я выхватываю образ мазками.

Высокий рост, жесткое лицо, борода – мне даже кажется, она ему очень идет. Темный взгляд, темные волосы… что все такое темное-то? Или это я вдруг моргнула?

Ой, а это что у него? Хвостик? Длинный? Может, у него волосы даже длиннее, чем у меня?

Так интересно узнать!

Но узнать почему-то не получается. Как это так? А, понятно, он скручен, правда, если потянуть за этот шнурок…

Красота-а! Не просто какая-то там резиночка! Это похоже на ручную работу, и даже вроде бы какие-то знаки есть, только не разобрать.

– Почему зашифрованные послания всегда на каком-то непонятном языке? – возмущаюсь я.

– Может, чтобы их прочли не все, а тот, кому они предназначены?

Пожимаю плечами.

Киваю, принимая этот аргумент.

А потом до меня вдруг доходит!

Я не просто сильно хотела прикоснуться к его волосам! Я это сделала! И нет, я не просто хотела рассмотреть этот любопытный шнурок! Я стянула его с головы незнакомца!

– Ой… – Поднимаю взгляд вверх, надеясь, что он заметит в нем степень моего покаяния, и на всякий случай дублирую свои извинения: – Ой…

Я не знаю, чего ждать от него. А вдруг он сейчас разозлится? Стараюсь понять: нужно бежать или поберечь свою пострадавшую ногу? А интуиция-предательница молчит, притаилась.

– Неужели я тебя так пугаю?

Вздыхаю.

Нет, я уже не удивляюсь, что, видимо, произнесла это вслух. Ну и решаю признаться:

– Есть немного.

Он молчит.

А меня внезапно простреливает одна коварная мысль. Почему бы и нет? И даже если Ира не засчитает мне прохождение испытания, потому что это он ко мне подошел, а не я…

Неважно.

Поднимаю руку и провожу ладонью по его бороде – не колется, хотя я думала, будет иначе. Карие глаза темнеют и становятся ближе – наверное, он догадывается, что я так и не смогла толком его рассмотреть, и склоняется надо мной.

Так гораздо удобней! Мои пальцы поднимаются выше, вновь опускаются вниз, скользят по линии его губ.

– Ты осознаешь, что делаешь, детка?

– Конечно.

Я полна решимости, но почему-то говорю это шепотом. Думаю, именно поэтому его лицо оказывается еще ближе ко мне. Ну да, точно, поэтому. Он ведь не подозревает о том, что я хочу сделать.

А у него не твердые губы – так только кажется, да.

И голос приятный.

И эти ноты одеколона – хочется глубже вдохнуть. Качнувшись вперед, хватаюсь за его футболку и тянусь к его шее. Глубокий вдох… его или мой? Не знаю, нужно перепроверить… случайно задеваю его кожу губами… ну и… угу, слегка увлекаюсь…

Мужские пальцы обхватывают мой подбородок, заставляя взглянуть на себя.

– И что же? – грозно требует незнакомец ответа.

Улыбнувшись, отвечаю ему откровенно:

– Я сжигаю мосты.

Пользуясь тем, что он пытается разгадать мой ответ – не только у него есть шифровки, да-да, – погружаюсь пальцами в его волосы. И прикасаюсь губами к его.

Легко.

Всего на мгновенье. Думаю, этого хватит, чтобы избавиться от страха незнакомых мужчин и перестать оглядываться назад.

Но мои планы стремительно рушатся, когда меня вдруг прижимают к стене, а чужие губы заставляют приоткрыться мои. А дальше… дальше происходит нечто невероятное, потому что вместо того, чтобы оборвать поцелуй, я на него отвечаю.

И расплываться начинает уже не только лицо незнакомца, а все, что нас окружает: коридор, тихая музыка бара, пространство и время.

Я слабо понимаю, почему позволяю ему так себя целовать. Может быть, потому, что его поцелуи как воздух. Я задыхаюсь под натиском его губ. И в то же время чувствую, что задохнусь, если он остановится.

И как здесь выбрать? Никак не получится. И я не собираюсь задаваться таким серьезным вопросом сейчас.

В конце концов, гореть так гореть!

Его руки обхватывают мои бедра, опускаются ниже. Его губы ловят мой полузадушенный выдох. А его язык ведет себя так, будто ему все позволено. Пусть… пусть так… я хочу, я ему позволяю… позволяю себе…

Голова немного кружится, но я уверена: коктейли здесь ни при чем. Просто гореть с кем-то пылающим так удивительно. И оказывается, совершенно нестрашно, хотя его пальцы и нагоняют жару, встряхивая во мне тихие искры.

– Еще… – шепчу я, когда он зачем-то дает передышку. – Еще немного, и я перестану бояться.

Нет, это не обычный смешок. Теперь я слышу очевидную разницу. Он будто выдыхает это «хм». Получается очень тепло. Ну а тепло уже к тому, что искрится…

– Детка…

Его пальцы на моем теле становятся жестче и ведут себя откровенней, но кого это волнует сейчас? А холодную стену, в которую он вжимает меня, компенсирует его горячее тело.

– Не здесь… – говорит он, а сам вновь целует меня.

– Конечно, – соглашаюсь я с ним, а сама ему отвечаю.

И мост действительно рушится.

Потому что я вдруг отчетливо слышу треск и поскрипывание. До чего же противные звуки!

А потом к ним присоединяются и другие, которые заставляют очнуться. Из других, неприятных смешков и из чужих мужских голосов.

– Надо же, ищу Паука, ищу, а он, оказывается, шпилит очередную однодневную бабочку.

– Ага! Ты смотри, как ловко ей крылышки обрывает! Или это такой пошив сейчас, когда платье только до талии?

С ужасом понимаю, что это не придирка к наряду: мое платье задрано, а бедро прикрывает лишь мужская рука.

Я вспыхиваю, становится неловко и неуютно, зато в голове проясняется вмиг. А вот мужчина, чьи пальцы впиваются в мое тело, неспешно опускает подол и так же неспешно задвигает меня себе за спину.

– Крот, – тянет он будто нехотя. – Что-то здесь потерял?

– То, что я потерял, я нашел, – ухмыляется тот.

Осторожно выглянув из-за мощной спины, понимаю, что это те байкеры, которые пришли позже других. Судя по всему, пришли с плохими намерениями, потому их появление и приняли так настороженно.

Не знаю, кто как, а я бы на сегодня бороться со страхами завязала. Я вообще за мир во всем мире. Особенно когда кто-то смотрит так зло и с презрением. А еще, кажется, наступает!

– Детка, – не оборачиваясь, командует тот, к чьей спине я прилипла. – Иди, подожди меня в баре. У меня тут дела.

А когда я не двигаюсь, он тянет меня за руку и придает ускорения легким хлопком чуть пониже спины.

Это не больно, нет.

Но настолько обидно, да еще при других! Ухожу не оглядываясь. Делаю вид, что не замечаю ухмылок.

Ну да, кто я для них? Очередная однодневка этого байкера. Которой он велел подождать, пока вдоволь наговорится.

Щеки пылают, нога начинает болеть, но я иду четко и ровно, не желая, чтобы они что-то заметили. Позади слышу негромкий разговор, отрывистый смех. Наверное, обсуждают меня. Спрашивают: уже успел пришпилить или пока только присматривался?

А ведь со стороны действительно могло показаться, что мы…

Я вздрагиваю, услышав позади себя какие-то глухие звуки. Обернувшись, с ужасом смотрю на драку в конце коридора. Даже не так – это месиво, потому что удары наносятся жестко и быстро. Непонятно, кто кого побеждает. Криков нет, только сосредоточенная борьба, когда двое на одного.

Но так же нечестно!

– С ума сошла?! – шипит над моим ухом подруга и резко дергает меня на себя. – Только тебя там и не хватало!

Хватает меня за руку и тащит к выходу, заставляя ускориться, практически побежать. Уже на бегу замечаю, что в сторону коридора несутся другие байкеры. На нас с Ирой со злобой посматривают их подружки, как будто это наша вина. А на мой телефон наконец приходит долгожданная смс-ка.

– Ошалели, что ли? – ворчит таксист, когда, распахнув задние двери, мы плюхаемся на сиденье. – Осторожней с дверьми надо! Чего несетесь как на пожар?

– Пожалуйста, давайте не будем говорить про огонь, – прошу я, не желая вспоминать о том, что со мной случилось минуту назад.

– И, пожалуйста, давайте уже поедем. А то здесь такой район, что могут пострадать не только двери, но и колеса.

Машина трогается с места, мы облегченно выдыхаем и, как по команде, дружно оборачиваемся с подругой.

Эпично.

Пустырь, склады, бар, в котором мы больше никогда не появимся. И один из байкеров, стремительно выскочивший на улицу.

Признаюсь, мое сердце на секунду даже ускорилось, пока я не рассмотрела, что это бармен.

– По твою душу? – смотрю я на подругу с улыбкой.

Да, она читает много романтических историй, но трезво смотрит на жизнь. Поэтому и ответ получается жизненным.

– По нашу. Кажется, мы забыли с ним расплатиться.

Глава 4

Наталья

– Какое прекрасное утро! – сообщает мне Ира.

Даже не знаю, что радует ее больше: дождь за окном, то, что сегодня начало рабочей недели, или мои подгоревшие сырники. Но она действительно выглядит довольной и отдохнувшей, в отличие от меня.

– А с твоим что не так? – останавливает на мне заинтересованный взгляд.

– Ты в курсе, что храпишь? Ты храпела всю ночь. Может, это какая-то проблема с организмом?

– Это не проблема, а тактический ход, – отмахивается она, активно жуя горелые сырники. – Так я отгоняла от тебя домового.

– А если серьезно, не хочешь провериться? Из-за твоего храпа я почти не спала. Но это на одну ночь и я, а если бы рядом с тобой был мужчина…

– Нормального не было так давно, что я бы вряд ли позволила ему даже попытаться уснуть. А у твоей бессонницы могут быть другие причины.

– Например?

– Например, те, из-за которых на твоих припухших губах следы от укуса. – Она подмигивает. – Неплохо вчера отдохнули, да?

– Да, могло быть и хуже, – вытянув ногу, демонстрирую огромный синяк на ноге.

Подруга усмехается, как будто считывает то, что на самом деле проносится в моих мыслях.

Долгие страстные поцелуи, сжигающие калории, руки на моем теле, от которых приятно дрожали все мышцы, бег трусцой, еще и с препятствиями, прыжок с приседанием… Если не считать коктейли, я впервые, не краснея, могу сказать тренеру, что активно провела свободное время. Она, правда, за полгода привыкла к тому, что я лишь активно перечисляю просмотренные передачи и фильмы, и даже стала интересоваться, что вечером по программе. Но ничего, будет, как и я, готовиться к переменам.

Я вот уже сделала первый шаг…

До сих пор не верится, что я правда целовалась с каким-то байкером и позволяла ему себя лапать. К утру его образ почти выветрился из памяти. Но вот то, что мне нравилось все, что он делал… ладно, ладно, что мы делали, я отчетливо помню.

– Хорошо у тебя, но мне пора выдвигаться! – Ира поднимается, а потом замечает на столешнице два небольших свертка. – Ой, а что это?

– Бутерброды.

Заметив в ее глазах удивление, поспешно киваю.

– Я слишком поздно подумала, что ты работаешь в ресторане и они тебе не нужны. Привыкла делать на двоих, вот и…

– Хорошая привычка, – говорит она, беря один сверток.

– Да нет, я все понимаю. Ты можешь не брать.

– Вот еще! – перебивает она воинственно, а потом склоняется, целует меня в макушку и непривычно ласково, как-то проникновенно так говорит: – Спасибо, если тебе еще когда-то захочется обо мне позаботиться, знай, что я буду не против.

Я хмыкаю.

Отворачиваюсь взглянуть, как там дождь.

– Имей в виду, со мной нельзя расслабляться, – улыбаюсь крупным каплям на стекле. – Я этой заботой могу задушить.

Ира вздыхает – тяжело, выплескивая неприкрытую злость.

Порывисто обнимает меня.

– Он – дурак. Просто дурак, Наташка. Любой мужчина был бы счастлив жить с такой женщиной, как ты!

– Не любой, – не соглашаюсь я, стараясь не хлюпнуть носом. – Троих уже можно вычеркивать.

– Ну, дурку тоже нужно кем-нибудь наполнять.

Грустная шутка. И не смешная. А мы смеемся. Я так даже со всхлипыванием.

– Тебе когда на работу? – интересуется Ира.

– Есть еще полчаса. Не жди меня.

– Ок. Вечером позвоню! – это она кричит уже на бегу. Только и слышно вихрь, который проносится по квартире, как хлопает дверь ванной и ее голос уже в коридоре: – Кстати, трофей принимается, так что задание засчитываю! Осталось самое малое – перебороть страх высоких растений!

Хлопает входная дверь.

Тишина.

Хотя нет… показалось.

Заглянув в ванную, смотрю на стиральную машинку, которую я точно не запускала. В ней крутится всего одна вещь, которую я тоже туда не бросала, – майка с грустными мамонтенками.

На душе становится тепло, прямо до слез, оттого, что вот так, ненавязчиво, но с очевидным подтекстом обо мне сегодня позаботились тоже.

А вот фразу подруги про трофей я понимаю чуть позже. Когда верчусь в коридоре, упрямо не нахожу заколку, которой скрепляю волосы: работать с распущенными неудобно и жарко.

И вдруг замечаю кожаный плетеный шнурок, на котором выбита непонятная фраза.

Тот самый.

Который я сняла с байкера.

Еще раз окинув взглядом тумбу у зеркала, завязываю волосы этим шнурком. Ничего так, удобно. Знать бы еще, что там написано.

В салоне меня уже ждет клиентка, да и запись плотная на весь день, поэтому времени на меланхолию не остается.

– Везет тебе с клиентурой, – замечает Катерина, напарница. – Всегда оставляют щедрые чаевые.

– Просто я делаю их еще красивей, чем они есть, – пожимаю плечами.

– Я тоже, а толку?

Катерина поджимает губы и с тяжелым вздохом усаживает в кресло своего очередного клиента. Ну вот потому и не задерживаются у нее, чувствуют энергетику. Она неплохой мастер, не вау, но подстричь может красиво, но от нее люди уходят уставшими, без настроения. И редко записываются повторно.

Мне с этим везет. Много постоянных клиентов, которых я веду уже несколько лет. Они приводят своих знакомых, что радует и меня, и хозяйку салона. К вечеру устаешь, конечно – целый день на ногах, в мыслях все еще крутятся житейские истории, которыми со мной поделились, – но мне нравится, что я могу заниматься любимым делом и это к тому же неплохо оплачивается.

– Как ты там? – звонит Ира вечером, когда я как раз выхожу из салона. – Расшифровала тайные знаки?

– Какие?

– Раздеть мужика ты полностью не успела – там бы послания были куда грандиозней и интересней. Я про веревочку в твоем коридоре.

– А, нет, не было времени, – поправляю свой хвостик. – А ты думаешь, там что-нибудь интересное?

– Как знать. Ты, конечно, в такое не веришь. А я вот задумалась. Ты не бросила эту веревочку в баре, не потеряла ее, пока мы бежали, не забыла ее в такси, хотя собиралась оставить там свою сумочку. Теперь мне как минимум любопытно, с чем ты носилась полночи.

– Ок. Буду дома – поищу в интернете.

– Ага! Так ты его не выбросила? Любопытный знак.

Конечно, я это не считаю каким-то там знаком. Просто так получилось. Но разговор с Ирой имеет свои результаты.

Не верю в такое, но по дороге домой мне то и дело встречаются знаки. То мамочка с ребенком, который бросает соску, и я, чтобы помочь, поднимаю ее. То детвора, которая вдруг решает побегать возле меня. То мяч, который вылетает за пределы футбольного поля, и мальчишки просят подкинуть его обратно, чтобы за сетку не выбегать.

Даже в подъезд я захожу одновременно с соседкой и ее кучерявым отпрыском. Красивый мальчишка, только очень серьезный. Пытается помочь маме и подержать хоть недолго ее тяжелый пакет с продуктами. Не дают. Жалеют. Тогда он находит другое важное задание – стоит в лифте и бесцеремонно рассматривает меня. Нет еще взрослой привычки – отводить взгляд, если рядом с тобой посторонний.

И мама его такая счастливая, прямо светится вся, заметив, что я подмигиваю ее кучерявому чуду, а он, помедлив, делает так же.

Я выхожу на своем этаже, а они поднимаются выше. Остановившись у своей квартиры, ищу ключи и почему-то думаю о тех двоих. Вот сейчас они зайдут в квартиру, наполнят ее голосами, малый побежит сразу на кухню – набегался за день, проголодался же! Она его пожурит, отправит мыть руки, а сама, улыбаясь, начнет разогревать ужин. Потом на запах подтянется муж, и сядут они втроем за стол и дружно…

– Какого черта так долго?! – раздается сверху раздраженный голос мужчины.

Я так и стою с ключами в руке. Женщины не слышно, мальчик что-то пытается пояснить папе, но тот только отмахивается от него – такого светлого, доброго и красивого.

– И этот оболтус еще вертится под ногами!.. Ну… Да что ты суешь мне пакет свой?! Ты пива купила?!.

Хлопает сверху соседская дверь.

Прячет за мрачными стенами счастье, которое слишком сверкало.

И да, это я тоже принимаю за знак.

Дома первым делом собираю вещи, которые Степан мне оставил на память, – три пары трусов и пять пар непарных носков. Добавляю туда орошенную слезами фотографию в рамочке.

Избавившись от мусора, делаю себе кофе и, посматривая на вечерний город, вбиваю в поиск запрос: «ЭКО. Беременность от донора». Чуть подумав, добавляю: «От иностранного донора».

Нам с малышом папа не нужен, верно же?

Глава 5

Наталья

– Привет, Пончик, как дела? – деловито спрашивает подруга по телефону.

– Почему это Пончик? – возмущаюсь я. – Я, между прочим, не ужинала!

– Пончик, тут две причины. Это я пытаюсь привыкнуть к твоему будущему новому образу. И подаю тебе знак, чтобы ты еще раз все хорошенько обдумала.

Я не просто все хорошенько обдумала, я всю ночь не спала – штудировала информацию в интернете. От общих описаний клиник и процедуры до рассказов тех, кто уже воспользовался этой услугой.

А еще пересчитала деньги, которые откладывала, распланировала бюджет – на первый год хватит. Потом вернусь на работу. Конечно, клиенты рассосутся по другим мастерам, так что я поставила себе цель – накопить чуть побольше.

И самое главное, я выбрала клинику. «Материнский инстинкт». Не буду скрывать, меня привлекли не только ее репутация и отзывы мамочек с сайтов, но и название. Оно как-то отзывалось в душе и подталкивало выбрать именно эту клинику несмотря на то, что цены здесь выше.

– Ир, – повторяю терпеливо, – я уже все обдумала, правда. Не отговаривай.

– Как скажешь. Я молчу. А что по этому поводу говорит твоя мама?

– Она пока ничего не знает. Вот когда все получится… – Взглянув на часы, несусь в коридор и начинаю обуваться. – Я, кстати, сегодня встречаюсь с врачом в клинике! Кажется, даже опаздываю! Давай, до связи!

– Ага, – соглашается она, а потом выпаливает: – Ты расшифровала надпись на веревочке?

– А? Нет, – отвечаю уже на бегу. – Я ее потеряла.

Парадокс, но шнурок, как и моя заколка, бесследно исчез. Вот и не верь после этого в домового. А я еще выспрашивала у Степана: куда постоянно пропадают его носки? Теперь даже чуточку стыдно.

Так, ладно, не до него.

На бегу к остановке понимаю, что нужно было вызвать такси: слишком много людей, в маршрутку можно не влезть, а время уже поджимает. Ира сказала бы: знак. Хорошо, соглашаюсь, пусть так.

Только я использую его в свою пользу. И чтобы не тратить время, ловлю попутку. Я вообще настроена на позитив, потому что в этом вопросе положительный настрой – фактор не менее важный.

Выйдя из машины, получаю знак свыше. Пролетая надо мной, птица решает оставить на моем платье свой след. Тоже в плюс, значит, несмотря на мое решение, деньги у меня по-прежнему будут водиться!

Ну вот, одни плюсы – мне везет!

И в ту же секунду…

– Твою же матрешку!.. – задыхаюсь от возмущения, глядя вслед мотоциклу, который окатил меня из единственной лужи, оставшейся в городе после дождя.

Очень хочется расстроиться, тем более что я, как назло, в белом платье и грязные капли, которые я вижу спереди на подоле, его точно не украшают. Но я приму это за благословение. Попы тоже щедро окропляют, не всем нравится, что потом приходится обсыхать, но все терпят, еще и оставляют подарки.

Верь – не верь, а это имеет свои результаты. Одна моя подружка, устав каждое Пасхальное утро вытирать с лица растекшийся макияж, один раз решила не краситься. Вообще один раз. За всю жизнь. Обычно на ней такой слой косметики, что я уже слабо помнила, как она выглядит без него.

Так вот. По дороге домой она встретила своего будущего мужа, который сказал, что не смог пройти мимо такой естественной красоты. На свадьбе она не только принимала подарки, но и раздавала свои: кому модные румяна цвета сиреневого тумана, кому новую бордовую тушь.

Мы с Ирой тоже в эту церковь ходили. Года три или четыре подряд после свадьбы подружки. И сделали вывод, что нам с ней везет, у нас по-прежнему большой выбор: можно краситься, можно нет – все равно ничего не меняется.

Самовнушение имеет свои результаты. В клинику я вхожу на позитиве и со светлой мыслью: «Спасибо, Господи, за твой дар».

А потом натыкаюсь на зеркало в холле.

И это все-таки происходит: я расстраиваюсь. Но то, что я вижу, кого угодно расстроит. Оказывается, укладка не выдержала повышенной влажности и нелепо распалась. Птица, в отличие от меня, явно никогда не думала про диету, и пятно оказалось куда объемней, чем я полагала. А лужи хватило не только на подол спереди, но и сзади.

А еще две бессонные ночи и еще несколько тех, во время которых я оплакивала Степана, решили оставить след на мне именно сегодня – под красными глазами вампира у меня образовались круги.

Время поджимает, поэтому я быстро очищаю салфетками все, до чего могу дотянуться. Найдя в своей сумочке зеленую резиночку, которой обычно перематывают деньги или зелень в магазине, даже не задаюсь вопросом, откуда она у меня. Приглаживаю волосы, сооружаю хвост и спешу к врачу на встречу, которая должна была начаться минут десять назад.

– Извините! – практически врываюсь я в кабинет.

Доктор окидывает меня взглядом, приветливо улыбается, а я смотрю на фотографии детей, которыми увешаны стены, и оставляю за дверью все, что еще минуту назад меня беспокоило.

– Извините и за опоздание, – смущенно улыбаюсь, – и за мой внешний вид. Просто я так спешила… а тут то птичка, то лужа, то мотоциклы… Все один к одному! Одни знаки вокруг! Если сейчас в кабинет войдет черная кошка, клянусь, я даже не удивлюсь!

Я понимаю, что это мой врач и у нас все получится, когда она, рассмеявшись, мне отвечает:

– Главное, что все эти знаки привели вас к мечте.

Она не использует ни настоящее время, ни будущее. Только прошедшее. Как уже свершившийся факт.

– Да, – соглашаюсь я с ней, вновь окинув взглядом фотографии с детками, и признаюсь: – Хочу такого же малыша!

– Точно такой же не выйдет, – она улыбается тепло, так, как улыбаются матери детям. – А вот над тем, чтобы он был похож на вас или на вашего мужа, мы всерьез поработаем.

Понятно, что это врач и таких, как я, она видела сотни, если не тысячи. Я уверена в своем решении и не считаю, что это стыдно. И все же отвечаю с заминкой:

– Мужа нет. И не предвидится. Я хочу родить для себя. От иностранного донора.

– Почему именно от иностранного? У нас в клинике полная анонимность. Вы о доноре будете знать только общие данные, он о вас вообще ничего.

– В таком важном вопросе лучше перестраховаться. А еще, если честно, я не верю, что кто-то придет сдавать сперму из альтруистических соображений. Скорее всего, его на это подтолкнут деньги, а так как они небольшие… Кто знает, сколько раз он будет сюда приходить?

Хочу уменьшить шансы, что однажды мой ребенок столкнется с братьями или сестрами. Ну и последствия этой встречи. Да, я знаю, как это выглядит со стороны, но я хочу исключить любую случайность.

Неожиданно дверь в кабинет распахивается и заходит какая-то женщина. Красивая, с броским макияжем, иссиня-черные волосы тщательно уложены. Если бы не халат, наброшенный поверх красного платья, можно было бы решить, что сегодня она готовилась к свиданию, а не к обычному рабочему дню.

Застыв на пороге, она окидывает меня странным взглядом, словно удивляется, что я здесь делаю. Видит, что идет прием, но не заходит и не уходит. Стоит молча, сжимает ручку двери.

– Лен, у тебя что-то срочное? – голос моего доктора заставляет женщину перестать пялиться на меня. – Я пока занята. Если ничего страшного не случилось, давай встретимся позже.

На этом мой врач решает, что вопрос удачно улажен, и с улыбкой продолжает прерванный разговор:

– Хорошо, после того, как вы пройдете обследование и у нас будет полная картина, мы подберем с вами донора. Только должна предупредить, что цена такой спермы будет дороже.

– Ничего страшного. Если что, ради такого дела разобью свою большую копилку.

Мой врач улыбается, я тоже в приподнятом настроении, потому что решилась и потому что мне кажется, что моя мечта уже близко. Уловив какой-то шелест, оборачиваюсь к женщине, которая так и стоит в дверях, и от ее взгляда настроение медленно затухает.

Я знаю, что она видит. Грязное платье, усталость, которая вряд ли меня украшает, дешевую резиночку в волосах, огромный синяк на ноге. Образ не лучший, наверное, да что там наверное – уверена, я мало похожу на клиента дорогой клиники. А еще мои слова про копилку…

С трудом сдерживаю порыв оправдаться и сказать: «У меня есть деньги, правда!»

– Лена, позже, – в голосе моего врача впервые прорезается твердость, которая присуща людям данной профессии.

Но на вошедшую это действует – она кивает и выходит за дверь.

– Ну что, продолжим? – предлагает мой врач.

Продолжение не из самых приятных. Тем более что обычным гинекологическим осмотром дело не ограничивается. Но минут через сорок есть результаты, которые моего врача весьма радуют.

– Конечно, еще нужны будут результаты анализов. Но, возможно, вы сохраните свою копилку. – Она улыбается. – Я не вижу причин прибегать сразу к ЭКО. Предлагаю попробовать внутриматочную инсеминацию.

Об этом варианте я тоже читала, но не очень подробно. Как-то настроилась, что сделаю ЭКО, и все. Но по мере того, как врач поясняет мне разницу, понимаю, что да, стоит прислушаться к ее мнению.

И даже не потому, что это гораздо дешевле. Просто есть шанс избежать гормональной терапии и этот вариант наиболее приближен к естественному зачатию. Ну вроде бы у меня получится почти как у всех. За исключением того, что сперму в меня введет врач, а не будущий папа.

Со списком в руках я выхожу из кабинета врача окрыленная, уже представляя, что буду чувствовать, когда во мне начнет зарождаться новая жизнь. Да, может выйти не с первой попытки, но вдруг?

Замечтавшись, я едва не сталкиваюсь в дверях с женщиной в красном. Видимо, у нее все-таки что-то случилось, и серьезное, если она караулила.

Остановившись, я изучаю список, прикидывая, с чего бы начать, и ясно слышу возмущенный голос женщины, у которой сегодня явно проблемы с тем, чтобы вовремя закрыть дверь.

– Он меня бросил, ты представляешь?! Я вырядилась как дура, а он… Да что он о себе возомнил?! Я терпела все его выходки: пьянство, драки, его бесконечных друзей, длительные командировки, то, что он не может пропустить ни одной юбки, чтобы под нее не залезть!

– Ну и зачем он тебе такой нужен?

– Как зачем? Он же такой… отвратительный, – с трудом выдавливает она из себя эту характеристику, но, не дав даже шанса ей посочувствовать, с жаром продолжает: – Я была уверена, что мы с ним поженимся, что у нас будут дети! А он, видите ли, к этому не готов!

– Мужчины вообще редко готовы к детям, – спокойно замечает мой врач. – Даже те, которые утверждают обратное. Ребенок слишком сильно меняет их мир.

– Знаешь, а мне бы хотелось, чтобы его мир перевернулся! Да так, чтобы он обалдел! Не хочет он, не готов! Моя проблема в том, что я была слишком доброй, удобной. Не хочет, чтобы матерью его ребенку была я, – пусть бы от него залетела какая-нибудь идиотка, которая раскрутит его на бабло! Ну или бомжиха, как эта твоя…

Мой врач явно с ней спорит, но что именно она говорит – я не знаю, потому что, свернув список, отхожу от двери.

Почему я не сделала этого раньше? Понятия не имею. Обычно чужие разговоры не представляют для меня интереса. Наверное, задумалась, зачиталась.

Бомжиха…

Да, сегодня я выгляжу странно, но пусть она думает обо мне что угодно. Для меня, может, тоже странно, что она так убивается по дебоширу и алкоголику. И как можно мечтать родить от него?

Оставляю их странные отношения им.

К счастью, ко мне это никакого отношения не имеет.

Глава 6

Наталья

– Ну что, Пончик, признавайся: ты с мясом или с повидлом?

Я стараюсь не смеяться, но это довольно тяжело. Ире не терпится узнать ответ, поэтому она елозит ухом по моему животу. А это щекотно.

Она так делает каждый раз с тех пор, как животик стал заметен. Хотя не меньше меня проштудировала информации на тему беременности и знает, что шевелиться и толкаться малыш начнет где-то с восемнадцатой недели. То есть ждать еще неделю как минимум.

– Смейся, смейся, – ворчит она, отстраняясь. – Это ты не хочешь знать пол ребенка, а я очень даже хочу. И он это чувствует, поэтому подаст мне какой-нибудь знак.

– Думаешь, он уже знает азбуку Морзе?

– При таком умном папе? Не удивлюсь.

С папой и правда нам повезло. Именно повезло. Я даже не думала, что выбирать донора сложнее, чем встретить нормального парня.

После того как были готовы все мои анализы и я прошла полное обследование, мы с моим врачом действительно решили остановиться на варианте искусственной инсеминации. А потом начался подбор донора. Есть и открытая база на сайтах, но после десятков детских фото для меня все лица сливались. К тому же сложилось ощущение, что доноры намеренно предоставляли такие фотографии, чтобы их не выбрали. Получили деньги – и все.

– Посмотри эти анкеты, – предложила мой врач, когда я немного отчаялась. – Мне кажется, здесь хорошие не только внешние данные.

Анкет было три, но, взглянув на одну из фотографий, я уже не обратила внимания на другие. Со снимка на меня смотрел худенький кудрявый светловолосый малыш. Его даже не портили оттопыренные ушки. У него были такие красивые голубые глаза, такой мудрый не по возрасту взгляд! Ничего удивительного, что в анкете значилось: два высших образования, руководящий работник в банковской сфере. А как он исполнял песню из мюзикла «Нотр-Дам де Пари»!

Нет, пел не ребенок. Голос был взрослым, недавняя запись. Просто кто-то рассказывал о себе, кто-то о своих стремлениях, а этот безымянный французский донор спел песню.

Рост, вес – здесь он тоже не подкачал. Рассказ о себе, о пристрастиях в музыке и литературе… Я сделала мысленные пометки, что обязательно должна тоже наверстать в этих вопросах. Еще раз прослушала песню, взглянула на фото.

– Я выбрала! – объявила я врачу чуть дрогнувшим голосом.

– Заказываем? – улыбнулась она.

– Да! – согласилась я и тут же заволновалась. – А может, сразу побольше? Вдруг не получится с первого раза?

– Посмотрим, как вы вдвоем постараетесь, – подмигнула она заговорщически.

А пока заказ транспортировался, я нашла несколько книг, которые упомянул донор. Толстых, редких и дорогих.

– Что это за нуднота такая? – спросила Ира, заметив их у меня.

Книги и правда оказались нудными. Не знаю даже, как это выдержали редактор и переводчик. А автор? Я продержалась два раза по полчаса перед сном. И вот чисто из уважения к чужому труду…

– Папа рекомендует! – заступилась я за искусство.

– Слушай, – подруга скептически взглянула на стопки и прикрыла их модным журналом, возвращая моей квартире привычную обстановку, – а ты не задумывалась, зачем банкир, еще и на руководящей должности, обратился в банк спермы? Доллар, конечно, на прошлой неделе просел, но не до такой степени, что его банку понадобились такие инвестиции!

– Привык доверять банкам все самое ценное?

Тогда мы посмеялись. А позже оказалось, что папа моего малыша действительно умеет делать надежные вклады.

– С первого раза? – переспросила я, когда врач сообщил, что все получилось и я беременна.

Я боялась поверить в такую удачу. Я ведь столько историй перечитала про тех женщин, которые проходили через это и у которых не получалось, а тут…

– Видишь, – улыбнулась мне врач, – у вас идеальная совместимость.

Наверное, это действительно так. Потому что беременность протекала легко. У меня не было токсикоза, только недавно стали раздражать некоторые запахи, но их вполне можно терпеть, если они не в усиленной концентрации. А так благодать. Ноги не опухали, вкусовые привычки не изменились, хотя Ира их не раз проверяла.

– Хочешь селедку с вареньем? – звонила она с предложением по дороге ко мне. – А может быть, огурцы с медом? Или клубнику с горчичкой? Я могу все это купить!

– Покупай, – соглашалась я, – если сама это съешь.

Она вздыхала, приносила обычные фрукты, ворча, что как-то у меня все неправильно, никаких новых открытий. Ну это для кого как. Для меня каждый день теперь – новый шаг к новому и удивительному.

Как я радовалась, когда у меня округлился животик! И когда он стал еще чуть заметней! Ни с чем не сравнимые ощущения – знать, что в тебе зародилась новая жизнь и скоро вы встретитесь.

На работе я носила одежду свободного кроя, а вот дома специально надевала обтягивающие маечки. Которые Ира бесцеремонно задирала, чтобы тет-а-тет пообщаться с моим малышом. Но разговор у них пока что не складывался. Вот как сейчас.

– Так, ладно, – смирившись с очередным провалом, она окидывает меня строгим взглядом. – Чего сидим, кого ждем? Скоро уже приедет такси! Ты переодеваться думаешь? Все-таки давно с мамой не виделись!

– Думаю, – говорю я, поглаживая животик, – даже если я появлюсь на даче в вечернем платье и на каблуках, это ее сразит не так, как сюрприз.

Но это я так, а сама иду одеваться. Сарафан, босоножки, беру сменную одежду, чтобы удобней было гулять на природе.

– Машина уже внизу, – сообщает Ира, когда я выхожу в коридор. – Пойдем.

Она перехватывает мой маленький пакетик с вещами и гостинцами, хотя у нее в руках уже увесистая сумка.

– Слушай, а я не забыла сказать, что мы едем всего на два дня? И максимум предстоящих развлечений – это подышать свежим воздухом на веранде.

– Ты сказала, – кивает она. – Но можно подумать, я сама не знаю, чем обычно заканчиваются такие приглашения в конце августа. Угу, правильно. Выкапыванием картошки!

– Мы еще можем отказаться!

– И твоя мама узнает о внуке на его свадьбе!

На этих словах Ира практически выпихивает меня за дверь. Пока едем в лифте, стоически наблюдает за тем, как я нервничаю, а потом все-таки не выдерживает.

– Ну и чего ты боишься? У тебя самой нет отца, насколько я в курсе.

– Да, – киваю. – Просто… знаешь, мне кажется, именно поэтому моя мама так мечтала, что у меня все будет иначе. Любовь, свадьба, а потом уже ребенок. Мне кажется… только

не смейся, но мне кажется, своим решением я… немного ее подвела. Не оправдала надежд, понимаешь?

– Думаю… кажется… – ворчит она, открывая мне переднюю дверь такси. – Поехали уже, узнаем, как все на самом деле, а не у тебя в голове! Кстати, надеюсь, у вас есть лопаты, а то я с собой не брала!

Решение сесть впереди оказывается не самым удачным. От таксиста пахнет бензином, потом и немного освежителем с запахом елочки, который болтается перед моими глазами. Медленное дыхание и самовнушение: «Хорошо, что не алкоголем» – какое-то время помогает, а потом я понимаю, что три часа в трансе – не мой уровень медитации.

– Можно я пересяду?

Водитель не возражает. Даже спокойно выжидает, пока то и дело бледнеющий пассажир отдышится на улице и вернется в салон.

– Я догадалась, – шепчет мне Ира, когда возобновляем движение. – Пончик с мясом: видишь, какая реакция на другого мужчину рядом с тобой? Он ревнует.

Прихожу в себя.

Послушно киваю.

– Или с повидлом, – задумчиво продолжает подруга. – Видишь, уже выбирает! А может…

Заметив в ее глазах лихорадочный блеск, который меня слегка пугает, меняю тему на более спокойную.

– Как там твои кавалеры?

– Нормально. Стабильно пополняю материал для будущих мемуаров «Как избавиться от мужчины за двадцать минут».

Хороший навык. Если бы он был у меня, я бы не тянулась годами к тому, что от меня благополучно сбежало. Как подумаю, сколько потеряно времени…

– Раскроешь секрет?

– Ага, щаз. И спугну единственного потенциального покупателя!

– А что с последним кандидатом не так? – захожу с другой стороны, чтобы хоть чуть приоткрыть эту тайну. – Ты же говорила, что познакомилась с каким-то умным, интеллигентным и интересным.

– О да, и ему в моих мемуарах будет отведена отдельная глава. Поразительный случай. Пригласил меня на экскурсию в «Мариинский дворец» и на месяц пропал. Оказывается, причина в том, что туда нужно записываться.

– И как тебе? Ожидание того стоило?

– Я была под впечатлением. О чем ему и сказала.

– А он что?

– Он решил усилить мои впечатления и теперь пригласил меня на экскурсию в дом с Химерами.

– Пойдешь?

– Конечно, пойду. Если до нашего свидания никого не встречу другого. Чтобы ты понимала, там тоже запись минимум за месяц вперед.

Мы давимся смехом, мимо нас проносятся городские пейзажи, на душе хорошо и легко. Нет волнения, даже когда мы приближаемся к даче.

– Мам, мы приехали! – открыв дверь, кричу я.

В доме пахнет выпечкой и моим любимым зеленым борщом. И я чувствую, что ужасно проголодалась, но еще больше – что мне этого не хватало. Все-таки общение по телефону и скайпу – это не то. И когда мама выходит из кухни, у меня в глазах слезы.

– Привет, – бормочу я чуть слышно, а когда она, замешкавшись, спешит мне навстречу и обнимает, повторяю еще тише: – Я ужасно соскучилась!

А она гладит меня по спине, словно маленькую, улыбается тепло и знакомо до боли, кивает Ире, которая молча наблюдает за нами. А потом опускает взгляд вниз, снова смотрит в глаза и интересуется:

– Знакомить-то будешь?

Из гостиной появляется дядя Слава, и волнение возвращается. Я знаю, что он хороший человек, по рассказам мамы знаю, мы с ним редко пересекались. Знаю, что они с мамой бывшие одноклассники, но для меня он пока еще просто сосед по даче. И к таким откровениям я при нем не готова.

– С Ирой вы знакомы. Вы несколько раз виделись, да? – тараторю я, запинаюсь на секунду, а потом признаюсь, знаю же, о чем она спрашивает: – А с отцом ребенка знакомства не будет. Он… можно сказать, что он моряк дальнего плавания… вот.

Дядя Слава деловито подхватывает сумки у Иры и снова скрывается в доме, догадавшись, что пока лучше так. Ира делает вид, что изучает вешалку в коридоре, а на самом деле готовится, если что, меня поддержать.

А мама…

– Династия, значит, – улыбается светло и открыто. – Наконец-то! Тебе нельзя, а мы с твоей подругой и дядей Славой обязательно выпьем вишневой наливки!

А мама есть мама.

Всегда.

Тону в ее объятьях и слышу уже в отдалении довольный голос подруги:

– Ну что, дядя Слава, покажете, в каком крыле у вас тут соревнования по храпу проходят?

Глава 7

Наталья

К нашему приезду урожай картошки уже был собран, так что количество лопат для Иры так и осталось загадкой. Но с граблями она все-таки повозилась. Сказала, что ей нужно размяться и восстановить душевное равновесие.

– Не боишься испортить маникюр? Все-таки у тебя солидная работа, – интересуюсь я, грызя яблочко на крыльце и наблюдая за тем, с каким рвением городской человек пытается погрузиться в природу.

Надеюсь, на этом участке у мамы посажено что-то неважное. Ну или чего не жалко для такой благой цели.

– Не боюсь, – пыхтя, отвечает подруга. – Вот увидит шеф, в каком печальном состоянии мои ногти, и решит мне повысить зарплату. А то у меня такой приличный оклад, что добавку просить как-то стыдно. Но если бы он сам предложил, я бы не отказалась.

– У него отдельный кабинет – может и не заметить твоего бедственного положения.

– Ну так я же зайду!

Я окидываю взглядом ухоженный огород, добровольца, работающего под звон собственных длинных сережек, вдыхаю запах жареного мяса, над которым колдует дядя Слава, и с удовольствием пью вишневый компот, который мне вынесла мама.

А быть беременной хорошо!

Не то чтобы я этого раньше не осознавала, просто…

Обычно над будущей мамочкой трясется будущий папочка, а я настраивала себя на то, чтобы со всем справляться одной. Но оказалось, что вокруг меня много людей, которые просто так, даже когда их не просишь, дарят свою любовь и поддержку. И это гораздо-гораздо более ценно и важно, чем если бы рядом со мной был кто-то один, разве нет?

– Когда малыш родится, – на мои плечи ложатся теплые мамины руки, – неподалеку от твоей любимой вишни посадим черешню. Будет расти вместе с ним.

– Спасибо, – произношу я чуть дрогнувшим голосом.

Она улыбается. Прижимает меня к себе, позволяя на себя опереться. И я знаю, что это моя опора не только сейчас.

– Слушайте, – разбивает нашу сентиментальность звонкий голос подруги. – У вас работников кормят или каждый сам за себя? Если что, я тут пару клубничек нашла!

– Закругляйся, – машет рукой мама, – наливка уже охладилась.

– Шашлык тоже почти готов! – вторит ей дядя Слава.

– Знаю я эти "почти"… – слышится вздох, и через пару секунд, похрустывая морковкой, у крыльца появляется Ира.

Но вскоре нас и правда настойчиво приглашают отведать сочного мяса, благоухающего дымком.

– Вот это мужчина, – восхищается Ира, налегая на угощение. – Большая редкость: как сказал, так и есть. И так вкусно…

Мама довольно улыбается, а дядя Слава делает вид, что не ему похвала. Следит за шашлыками, которые еще на огне, обновляет наливочку и то и дело посматривает на маму. Хорошо им вдвоем.

А потому и мне хорошо. Да вообще мы все хорошо сидим: в закате купается вечер, сверчки поют песни, поспевает картошка в мундире – прямо с углей. В душе разливается уютная тишина.

– У меня такое чувство, что я в Простоквашино, – говорит Ира, наблюдая за тем, как ничейный кот крадется в будку к нашей собаке и, обняв ее лапой, остается там на ночь.

А мы еще долго сидим. Меняясь. То мы прогуливаемся с мамой и говорим обо всем, обо всем. То мы молчим с дядей Славой, а мама и моя подруга о чем-то шепчутся, гуляя по саду. То мы с Ирой обходим вокруг дома, приглашая к нам сон.

Я засыпаю мгновенно, только коснувшись подушки. Просыпаюсь нехотя, от навязчивого звонка.

Не открывая глаз, пытаюсь нащупать под подушкой телефон. Сбрасываю, не глядя на абонента. Но он снова звонит.

Ну теперь какой сон. Снова достав телефон, смотрю на экран и не верю глазам, когда вижу, что это Степан.

Серьезно? Через полгода? Даже чуть больше…

Ни один из бывших мне никогда не звонил. Это я по ним сохла, выждав время, могла напомнить о себе в виде таких вот внезапных звонков. Теперь-то понимаю, как это выглядело со стороны.

Как ненужное, неуместное, лишнее.

Сбросить? Самое просто решение. Обычно так поступали со мной. А мне тогда хотелось хотя бы услышать голос…

– Да?

– Привет. Наташа, нам нужно увидеться.

Странно, у него голос напряженный, а у меня ноль волнения. Я даже не вспоминала о нем.

– Зачем? Мне казалось, мы все уже выяснили.

– Не все, – он вздыхает. – Ты дома? Я заеду.

– Нет, меня дома нет. Меня вообще в городе нет. И я не думаю, что эта встреча что-нибудь даст. Давай не тратить время друг друга?

– Даст, Наташ, – уверенно заключает он. – Я позвоню и заеду, когда ты вернешься.

Он прерывает связь, оставляя за собой последнее слово. Наверное, ему так проще – думать, что он, как и раньше, что-то решает.

Спускаюсь вниз. Хочется обсудить с Ирой внезапный звонок из прошлого. Может, у нее есть какие-то версии? Потому что я теряюсь в догадках.

Подруга сидит на крыльце, откинувшись на деревянные брусья, читает какой-то журнал.

– Ир…

Когда она оборачивается, с интересом рассматриваю серую массу, которой она щедро измазалась.

– Тебя что, поселили на чердаке?

– К сожалению, нет, – отвечает она, кивая на стопку журналов рядом с собой. – Но я все равно побывала там. Пока ты спала, дядя Слава устроил экскурсию, и я нашла кучу всего интересного.

– Помнится, чтобы отнести эту кучу интересного на чердак, мне пришлось сделать три ходки.

– Ну и зря! – заключает подруга. – Ты вообще их читала? Там столько рецептов по красоте! И не таких, как сейчас – купите крем той-то фирмы. А сделайте сами! Вот, кстати, я сделала маску из халвы и чувствую, что эффект потрясающий!

– Если бы ты ее съела, он был бы не хуже.

Ира отмахивается, мол, для красоты ничего не жалко, даже поголодать. Это она прибедняется, потому что после вчерашнего обжорства еще нужно прийти в себя. Да и сегодня тоже пир намечается.

Но, кстати, халва и правда не подвела. Лицо у Иры после этой маски выглядит посвежевшим. Хотя дядя Слава авторитетно заявляет, что это после наливки. Поэтому, когда мы уезжаем, подруге дают с собой большую бутыль для продолжения омолаживающих процедур. Мне для тех же целей – компот.

Ну и нам обеим по корзинке пирожков. С разной начинкой. Так что Ире гадать на них и гадать.

А вот на тему того, что нужно Степану, она даже думать не хочет. Я рассказываю об этом, пока мы едем в такси, а она лишь отмахивается.

– Тебе нужно было просто послать его! Ничего хорошего из этой встречи не выйдет.

– Я не собираюсь мириться с ним, – поясняю. – Просто… понимаешь, я ведь тоже звонила…

– Не сравнивай, Наташ.

– Почему?

– Ты звонила, потому что любила. Вернее, думала, что все еще любишь. А он потоптался по тебе, убил все, что мог, а теперь вдруг звонит. Не нравится мне это.

Откровенно говоря, и мне тоже. Но и не выслушать я его не могу.

– Не грусти, – голос подруги вырывает меня из размышлений. – На вот, для тебя сберегла!

Она торжественно вручает мне половинку батончика из халвы и один из журналов, который захватила с собой.

Ох и странные там рецепты! Чтобы ресницы были гуще и лучше росли, их нужно смазывать касторовым или репейным маслом. Ну, что волосы тоже – это я в курсе. Правда, всегда была за современные средства. А брови рекомендуют смазать просто подсолнечным маслом!

Но самое забавное – это название этой рубрики. «Девица-красавица!» Н-да…

– Ты представляешь, если правда встретить такую красавицу? – смеюсь я, зачитывая новый рецепт красоты.

– Ты в силу халвы тоже не верила! – вступается за ретро подруга.

За разговором и дорога быстро кончается. Я выхожу у своего дома, а Ира едет к себе.

Зайдя в квартиру, убираю гостинцы на кухню и бросаю взгляд в зеркало. А все же отдых на свежем воздухе имеет свои результаты. На щеках румянец, глаза блестят, да и зрение явно улучшилось, потому что я вдруг обнаруживаю плетеный шнурок для волос, который полгода назад благополучно посеяла.

На самом видном месте, причем висит себе на уголке зеркала, и самое главное, что на нем ни пылинки.

Ладно, раз уж нашелся – пусть помогает! Ну и на этот раз я четко намерена его больше не потерять. В своей квартире… на самом виду…

Впрочем, не это самое удивительное. А то, что, когда звонит Ира и предлагает не ждать, пока мы встретим красавицу, которая воспользуется натуральной косметикой, а самим такими стать, я без промедления соглашаюсь.

Намазываю репейным маслом ресницы. Смазав щетку этим же маслом, провожу несколько раз по своим волосам, потом стягиваю их в хвост тем самым шнурком. Остатки постного масла не на сковородку или в салат, а на брови! Ну и последний штрих – маска из халвы и зеленого чая.

– Все, – зачитывает по вайберу Ира, сверяясь с журналом. – Теперь нужно прилечь, закрыть глаза, расслабиться и полчаса ни о чем не думать.

– Услышимся через тридцать минут!

Прервав связь, я занимаю удобную позицию на диване, закрываю глаза, стараюсь расслабиться и…

И, видимо, в этом преуспеваю.

Потому что будит меня звонок.

– Да? – отвечаю на вызов.

Удивляюсь тишине в ответ. Но недолго. Повторный звонок подсказывает, что телефон ни при чем и надо открывать дверь, чтобы он прекратился.

Надо так надо.

Иду.

Открываю.

И…

– Вы кто?

В открытую дверь квартиры настойчиво лезут разноцветные воздушные шарики, которые в руках держит мужчина, но мне все же удается его рассмотреть.

Высокий, метр восемьдесят пять или даже повыше, широкоплечий, жилистый, темные волосы, борода, джинсы, распахнутая кожаная куртка. Пронзительный взгляд темных глаз, от которых непроизвольно хочется спрятаться.

Почему-то я начинаю волноваться, хотя повода нет. Я на своей территории. Мы не знакомы. Скорее всего, человек просто ошибся. Терпеливо жду, когда он это поймет и сделает шаг назад, чтобы я могла закрыть дверь.

А он не торопится.

Его взгляд скользит по моему лицу, опускается ниже, заставляя меня занервничать и повторить:

– Вы кто?

– Ваш папа, – наконец поясняет он.

Когда-то давно, когда мама рассказывала, что мой папа – капитан дальнего плавания, я очень мечтала об этом моменте. И представляла, как он придет, а я брошусь ему на шею и ни о чем никогда не спрошу! Никогда. Ни о чем.

А теперь, когда мне исполнилось двадцать девять, а мужчине, претендующему на роль моего родителя, ну… на вид максимум немного за тридцать, все-таки не могу удержаться от комментария:

– Рановато вы начали.

– Не твой папа, – сообщает он мрачно и кивает на мой пока еще не особо большой, но уже довольно заметный живот. – Я отец твоего будущего ребенка.

Чушь, просто чушь! Не может такого быть! В клинике, выбирая донора для ЭКО, я остановилась на красивом интеллигентном французе. Так что этот огромный бородатый мужик, похожий на бандита, точно не может быть нашим папой!

– Скажите что-нибудь по-французски! – требую я, чтобы расставить все точки над «i» и с чистой совестью захлопнуть перед ним эту чертову дверь.

– Я тоже не в восторге от того, что случилось. Но это мой ребенок, и я собираюсь активно участвовать в его жизни. Вот такая вот се ля ви, Натали.

Он хмуро сдвигает темные брови, а я испуганно застываю.

Меня поражает не то, что он прислоняется к косяку, будто разгадал мои планы.

И не эти три слова, которые он сказал по-французски.

И даже не то, что он назвал мое имя.

А то, что я, кажется, его узнаю.

Глава 8

Наталья

Ночь… рев мотоциклов… свет фар… байкеры… коктейли… длинный коридор бара… холодная стена, к которой меня прижимают… и шепот…

– Ты осознаешь, что делаешь, детка?

– Конечно.

Сумасшедшие поцелуи, его руки, посчитавшие мое платье лишней деталью, приглушенные стоны с просьбой продолжить…

Мои стоны.

В ответ на которые его пальцы пробираются выше, и…

Пальцы! И не настолько же!

Я, конечно, не все помню отчетливо, его лицо вообще стерлось из памяти, пока он не появился у меня на пороге. Но дальше объятий и поцелуев мы не зашли. Попросту не успели.

– Вы ошибаетесь, – произношу по возможности твердо.

– К сожалению, нет.

Его слова неприятно царапают, и я на секунду теряю бдительность. Чем тут же пользуется один из воздушных шариков и влетает по-свойски в квартиру.

– У нас с вами ничего не было! Ничего такого, от чего появляются дети. Это я помню точно!

Он прищуривается, смотрит так, будто на чем-то поймал меня, и я от его взгляда немного тушуюсь. Зачем-то одергиваю рубашку, поправляю воротник, в мыслях проносится: убрано ли в квартире?

Почему он смотрит так странно?

И почему я чувствую себя так, будто мы все еще в коридоре того бара, и если кто-то из нас сделает шаг…

Жарко.

И как ему в такую жару с бородой? У меня вон уже щеки пылают, а ему хоть бы хны. А волосы его стали короче.

Поймав себя на том, что рассматриваю его, отворачиваюсь.

А шарик этот… уже вольно чувствует себя в моем коридоре, привыкает к моему потолку!

Встаю на цыпочки и дергаю за веревочку. Фух, попался! Хорошо, что веревочка длинная, только…

Запоздало вспоминаю, что на пороге у меня незнакомец со странной претензией. И если он хоть вполовину такой же наглый, как шарик…

Обернувшись, облегченно выдыхаю. Он так же стоит на пороге, прислонившись к косяку открытой двери.

– Это ваше, – протягиваю ему пойманный шарик.

Но он вместо того, чтобы взять его за веревочку, неожиданно отпускает и все остальные. Они тут же устремляются к потолку, крутятся, выстраиваясь в разноцветный хоровод. А их хозяин, задумчиво осмотрев меня еще раз, неожиданно говорит:

– Меня зовут Лука. Полагаю, нам пора не только познакомиться, но и все обсудить. Пригласи меня на чай, Натали.

Мне кажется, я только что нашла хорошую пару Ире, если она все же решит открыть секту. Иного объяснения тому, что я отступаю вглубь квартиры и направляюсь на кухню, я просто не вижу.

Нет, это отнюдь не желание с ним познакомиться. Я сейчас вообще не думаю о чем-то подобном. Говорить мне с ним не о чем, потому что я уверена, что это ошибка. Может, на меня так действует французский язык?

Но я ставлю чайник, насыпаю в заварник чай, который стоит на столе, достаю две чашки и водружаю на стол.

Что я делаю? Почему просто не закрыла дверь? Шарики можно было выпустить в окно, раз они ему не нужны.

Я понятия не имею, кто он такой. Впустила в квартиру совершенно постороннего человека. Одна случайная встреча не в счет. Да и то об этом знаю лишь я. Он меня даже не вспомнил.

Это его странное заявление…

А что, если он…

Да нет, вряд ли маньяк, но очевидно же, что со странностями. Может быть, его кто-то ищет и своим звонком я этим поискам помогу?

Взгляд цепляется за телефон на столешнице.

– Предлагаю разобраться самим, – раздается у меня за спиной мужской голос. – Тем более что сто два меня не устроит, а брата-боксера у тебя по-прежнему нет.

Обернувшись, встречаюсь со взглядом, который бесстыдно исследует меня. Скользит от лица к груди, опускается к ногам, но дольше всего задерживается на моем животе.

– Значит, ты меня тоже узнал. – Я поправляю рубашку, стряхивая с себя его взгляд. – Признаюсь, я была уверена, что у тебя эти полгода была более насыщенная личная жизнь, чем моя. Но раз мы оба избавились от следов амнезии…

– Ты не все помнишь? – почему-то он выхватывает именно эти слова.

– Я помню все самое главное!

Он смотрит с сомнением, и я показываю, что мне это не нравится! Отвернувшись, заливаю кипятком чай, поболтав его ложкой, чтобы быстрее осел, разливаю по чашкам. А гость не стесняется – уже сидит за столом так свободно, будто проделывал это не раз.

Исследует чашку, словно я ее забыла вымыть после гостей. Поднимает голову, лишь когда я ставлю на стол пузатую сахарницу.

– Есть еще мед, – предлагаю я, заметив, что он не берет сахар, да и чай не думает пить,

Разговор у нас явно не клеится. Хотя он точно хочет что-то сказать. Помнится, мне иногда помогало спиртное.

– Если не ошибаюсь, могло остаться вино, но оно уже долго стоит открытым.

– Дай угадаю: примерно восемнадцать недель?

Я вздрагиваю.

Начинаю усиленно мешать ложкой чай, не помню, есть ли там сахар, – мне просто нужно хоть чем-то занять себя.

– Правильно. Я не угадывал, а знал точно.

На его губах мелькает усмешка, но тут же прячется, когда наши взгляды встречаются.

– Не понимаю, – произносит он тихо, – почему именно ты…

– Я вообще ничего не понимаю, – отвечаю так же негромко, как он. – Может, поделишься хоть чем-то, в чем успел разобраться?

Кивает.

И приступает.

– Ты беременна от меня. Нет, я этого не планировал. Сам узнал лишь на днях. И нет, это не случайность. Таким образом мне пытались отомстить.

– Отомстить? – повторяю я недоверчиво.

– Странный путь иногда выбирает женская месть.

– Бред какой-то… не понимаю… Да, да, снова не понимаю… Здесь что-то не сходится. Здесь все не сходится! – разнервничавшись, я начинаю мерить шагами кухню и наконец нахожу самую большую дыру в его аргументах. – Отомстить пытались тебе, а тысячу баксов за сперму иностранного донора почему-то взяли с меня!

Мне кажется, что мои возмущения вполне справедливы. А он выглядит так, будто это обманули его.

– Не расстраивайся, в накладе ты не останешься, – даже голос звучит значительно жестче. – Я уже сказал, что собираюсь участвовать в жизни ребенка, так что твои расходы с лихвой компенсируются. Кстати, почему именно иностранный донор?

– Как раз поэтому, – признаюсь я, немного придя в себя от его заявления. – Чтобы не было ни единого шанса, что он однажды появится у меня на пороге!

Проигнорировав очевидный упрек, он берет мой телефон, набирает какой-то номер, раздается чужая мелодия.

– Чтобы ты не сомневалась, что отец действительно я, сделаем тест ДНК. Завтра я тебе позвоню.

От таких новостей меня начинает немного потряхивать. А уж когда мой гость вдруг поднимается и делает шаг в мою сторону…

Сзади столешница, поэтому отойти не могу. Нет, я не чувствую от него угрозы, я боюсь не его. Меня пугает то, что он говорит. Хотя еще есть надежда, что все это сон, и я по-прежнему лежу сейчас на диване, просто зарелаксировалась, и…

– Ой… – да, да, это я вспоминаю, в каком виде отправилась на релакс, и, когда гость бесстрашно делает еще один шаг, повторяю свой шедевральный монолог при нашем первом знакомстве: – Ой…

Он медленно поднимает руку, наверное оценив мое состояние и не желая пугать еще больше. Проводит пальцем по моему лицу, растирает серую массу, принюхивается.

– Халва хорошая, – улыбнувшись, дает заключение, – а вот чай советую выбросить.

– Почему это?

Не то чтобы я сама была от него в восторге, просто меня возмущает его самоуверенность. А главное – убежденность, что я так и сделаю.

Но лучше бы я промолчала.

– Когда я научу тебя выбирать хороший чай и, главное, правильно заваривать его, у тебя исчезнет этот вопрос.

– Ты говоришь так, будто у нас впереди много совместных часов, – мое возмущение наконец прорывается. – Но даже если все, что ты сказал, правда, хочу сразу обозначить: у меня своя жизнь, а у тебя своя!

– Все правильно, Натали. У меня своя жизнь. У тебя своя. И одна жизнь – наша с тобой, – говорит он, мазнув взглядом по моему животу. – Постарайся к этому побыстрее привыкнуть.

Меня начинает злить его уверенность, что стоит ему прийти – и я тут же смирюсь и сделаю так, как он хочет. Разве он имеет право командовать? Даже если это окажется правдой…

Нет, те несколько поцелуев таких прав не дают!

– Я не собираюсь ни к чему привыкать! Я уверена, что ты ошибаешься, тебя ввели в заблуждение! Но даже если и так… меня полностью устраивает моя личная жизнь, и твое появление…

– Я не претендую на твою личную жизнь, – вставляет он, когда я делаю вдох. – На этот счет не волнуйся. Если ты остынешь и прокрутишь мысленно наш разговор, поймешь, что все это время я говорил только о ребенке, а не о нас. Ты была права: у меня довольно насыщенная личная жизнь, и она меня более чем устраивает.

Пожалуй, я начинаю чувствовать первый побочный эффект от беременности. Почему-то становится так обидно – до слез.

Я смотрю на чашку с чаем, к которому он даже не притронулся. На шарик, который решил полетать и на кухне.

– До завтра, – раздается в проеме.

А я не смотрю туда, не хочу, ничего не хочу, а он будто понимает это и добавляет:

– Надеюсь, ты понимаешь, что ДНК в твоих интересах. У меня нет сомнений в том, кто отец.

Я слышу, как, хлопнув, закрывается дверь. Одно хорошо во внезапных гостях: им не нужно устраивать долгие проводы.

Подойдя к окну, смотрю, как претендент на отцовство садится на байк и покидает наш двор.

У меня уходит две чашки чая, чтобы признать: чай и правда отвратный, – а заодно утрамбовать мысленно то, что случилось.

Прихватив телефон, перевожу его на громкую связь, иду в ванную и по пути набираю подругу.

– Ежки-матрешки! – вырывается у меня, когда я вижу свое отражение.

Глаза напоминают лихорадочно мерцающую мишень, которую обвели жиром, волосы с полезным составом старательно подчеркивают мой череп, а халва высохла и притворилась пустыней с редкими вставками оазиса из зеленого чая.

– Пончик, ты что там? – доносится голос подруги. – Выражаешь восторг от эффекта?

– Почти. Ты не поверишь, кого я только что видела! Папу своего малыша! Вернее, он думает, что он папа…

– Я так и знала! Гони этого Степана в три шеи! Когда ты могла сэкономить, его рядом не было, а теперь, когда обошлись без него и у нас папа-француз…

– Ир, по-моему, француза не будет.

– Как это?!

Ну и приходится рассказать то, что знаю. Ира охает, ахает, мне даже кажется, что я слышу в ее возгласах неприкрытое восхищение.

– То есть вот так: пришел, поставил перед фактом, сказал, что будет участвовать…

– Ага.

– О-бал-деть, – выдыхает она. – А пончик-то у нас получается не с мясом и не с повидлом. А с луком и яйцами!

Мы хохочем, и страх, который, оказывается, все это время мешал мне нормально дышать, отпускает.

– А еще, если судить по возможному папе, – ловлю свое отражение, – с железными нервами.

И тут до меня доходит. А как он меня вообще узнал в этом гриме? Рука поднимается вверх раньше, чем формируется мысль.

Коридор… я отворачиваюсь, достаю шарик… Лука прищуривается… И на кухне я стою к нему тоже спиной…

Развязав шнурок, кручу его на ладони. Дорогая, судя по всему, ручная работа, и эта надпись – наверняка для него она имеет значение.

Он ведь увидел его.

Почему он его не забрал?

Глава 9

Лука

Дорога не отвлекает от навязчивых мыслей. Редкий случай: чем больше скорость – тем глубже в них окунаешься…

Последние два дня проносятся перед глазами, в который раз пытаясь утрамбовать все по полочкам.

А мне до сих пор все кажется нереальным, как будто не про меня…

День рождения – лишний повод для судьбы поставить тебя на место. Некоторых она отрезвляет цифрами в паспорте, намекая, что пора начать жить, а не пробовать. Других пугает морщинами и сединой. Кого-то встряхивает количеством гостей за столом и звонков от тех, кто о тебе еще помнит.

А иногда она с размаха шарахает в солнечное сплетение, воруя на время дыхание. После того как отдышишься, ты четко понимаешь, что вкус изменился.

Два дня назад я был уверен, что знаю, чего хочу, как и когда это сделаю и что будет в итоге.

Но правильно говорят: хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах.

Ничего нового: бар Гнома, в котором нам нравится зависать, привычная компания друзей и приятелей, пиво и веселье рекой. Ради моего дня рождения Хищный оторвался от своей мелюзги и каким-то чудом из домашнего плена вытащил Пашку. Понятное дело, что Егор тоже приехал. Его отец когда-то был женат на той же женщине, что и мой, но пересеклись мы значительно позже. Не сводный брат, хотя все наши, а в первую очередь сами мы считаем иначе.

Звонок Малой из Испании – по той же части родство. Тогда я жалел, что она не приехала, а когда все завертелось…

– Не скучно тебе? – интересуется Хищный, потягивая пиво из кружки. – Столько лет ничего не меняется.

– Намекаешь, что на следующую днюху мне стоит проредить список приглашенных друзей?

– Наоборот. Я за расширение.

– Кто бы сомневался, что ты не преминешь даже на моем празднике похвастаться своим редким талантом. Это же надо – заделать жене сразу двойню! Зациклился на одном достижении. Открывай в себе новые грани. Мог бы, к примеру, скачать какой-то захудалый стишок из сети и соврать, что он твой.

– Чувствуется, что ты одичал в своих путешествиях. Требуешь от друзей уже не просто составить компанию, а устроить тебе развлекательно программу, – довольно щурится Хищный. – Женись – уверяю, скучать не придется.

– Это точно, – поддакивает ему Пашка.

Ну, он заместитель, ему по должности полагается.

– Да вы тоже советчики, – отмахиваюсь от их предложения. – Судя по вашему опыту, для начала мне нужно завести личную помощницу. Дать ей время увидеть себя со всех лучших сторон, а уж потом… У меня такой должности нет. А посетительницам в своих чайных лавках я обычно предлагаю посмотреть поближе товар, который находится на витрине, а не под стойкой.

Они ржут. Сами смешали бизнес и личное и пытаются расстроить мне налаженную систему.

– Что, правда никаких подвижек в этом вопросе? – так участливо интересуется Пашка, будто мы тут не именины празднуем, а оплакиваем неизлечимо больного.

Теперь я понимаю, как его менеджеры за полгода делают годовой план. Не хотят его расстраивать, опасаются, что разрыдается у них на глазах. А слез мужская психика не выдерживает. Это уже когда они выйдут, на его лице появится оскал сытого аллигатора.

– Поздно завидовать. – Машу помощнице Гнома, чтобы обновила ассортимент у нас на столе, а заодно посматриваю на дверь.

И вроде бы делаю это незаметно, но не учел, что мы недавно начали отмечать. А трезвые друзья пока еще смотрят на виновника торжества, а не в собственные бокалы.

– Кого-то ждешь? – подмечает Хищный.

– Кого-то жду, – соглашаюсь, потому что все равно этот «кто-то» скоро придет, просто немного опаздывает.

– И кто это?

– Тот, кто избавит меня от ночного звонка ваших жен с жалобой, что вы вместо супружеского долга обнимаете подушку и оплакиваете мое одиночество.

– А что, такое уже бывало? – встревает Егор. – Они уже звонили тебе?

– Перестраховка, Студент. Я просто всегда иду на шаг впереди. У мужчин нет в обиходе словосочетания «болит голова», потому что женщины сразу догадаются, что это отмазка. А за несколько лет брака, уверен, иногда тоже тянет ночью просто поспать. Думаешь, они упустят такой увесистый повод?

Слишком длинный мой монолог – тоже из-за того, что мы практически только уселись. Как итог, я на какое-то время теряю из вида дверь в бар и то, что мой припозднившийся гость пришел, понимаю, уже когда мне на плечи опускаются руки.

Она стоит у меня за спиной. Хочу обернуться к ней, потянуть ее на себя, но она сжимает ладошки сильнее, будто умоляя не двигаться. Поэтому, увы, несмотря на то, что она уже здесь, я все еще любуюсь не ее пухлым ртом, а вытянувшимися у моих троих корешей. Замена так себе, если честно.

Она склоняется, щекочет распущенными волосами мне ухо, но вместо приятных ощущений я чувствую лишь тихое раздражение. Которое усиливается, стоит уловить отчетливый запах алкоголя, сумевший перебить наше пиво, а еще запах духов, который я узнаю.

Не та.

Не она.

Обхватываю ее ладони своими, чтобы отцепить от себя, но ее губы подбираются к моему уху и, обдавая парами спиртного, начинают громко шептать:

– Поздравляю, мой бывший любимый. У тебя скоро родится ребенок!

Незваный гость, а не поленился. Нарыл в сети страшилку для одиноких мальчиков тридцать плюс.

Но я и дальше могу спать спокойно: этот вопрос у меня всегда на контроле. И потому, когда Лена, сдав алкотест в мое ухо, решает взглянуть на произведенный эффект, ее ждет глубокое разочарование.

Не знаю, что она мечтала увидеть сильнее – мой страх от ее новостей или запоздалое сожаление, что мы разбежались. Не получив ни того, ни другого, она недовольно сжимает свой рот.

Не идет ей так. Вроде бы мелочь, а всю ее красоту перечеркивает.

– Ты бы хоть подготовилась, – поясняю, взглянув на ее облегающее красное платье. – Выбрала бы пудру светлее, обувь на плоской подошве, а главное – рубашку больше на пару размеров.

Я мало разбираюсь в беременных, вожусь лишь с последствиями, как крестный троих малышей. Но мы расстались примерно полгода назад, и хоть какой-то намек на живот уже

должен быть. Даже если предположить, что она продержалась шесть месяцев с новостью про бракованные презервативы.

– А тебе так нравятся замухрышки, – хмыкает она. – Тогда тебя порадует новость, что твой ребенок родится как раз от такой.

– Отличный тост, – поднимаю бокал и обвожу взглядом притихших друзей. – Что, не поддержите? За потомство – вам же близкая тема!

По ходу они раздупляются, что здесь сейчас происходит. Хищный увлеченно берется за бастурму, Пашка – за сырные палочки в каком-то прикольном кляре. Егор продолжает пялиться в свой смартфон и на Лену – ну молодой еще, красота отвлекает.

– Ты не понял, да? – В глазах моей бывшей загорается огонек, который раньше срабатывал лишь на деньги. – Думаешь, что я пошутила?

Ее мелодичный смех на какое-то время перебивает гул бара. Она умеет пленить, знает об этом, но дважды одни методы не срабатывают.

– А знаешь… – склоняется надо мной, ее ладонь начинает скользить по лицу, и в этом движении, как и в зрачках, на секунду отчетливо проявляется сожаление. – Не верь… Я не хотела тебе говорить… пусть бы он рос в нищете, а ты даже не знал…

Она покачивается, и я инстинктивно обхватываю ее. Бывшая. Та, которую я вычеркнул и забыл. Но все равно не хочу, чтобы навернулась со своих каблуков и ее такой видели.

– Но мне так захотелось увидеть тебя, – ее губы подрагивают от этого шепота. – Захотелось увидеть, что ты почувствуешь, когда будешь знать. Не хотел быть со мной… несерьезно все было, да? Не хотел что-то кардинально менять. А я изменила. Просто знаешь, мне захотелось не только отомстить тебе, а увидеть это… а ты…

Ее пальцы поглаживают мои виски – мне раньше нравилось, когда она так делала. Удивительно, что она это помнит. Как будто то, что было, для нее и правда имело значение.

– Езжай домой. – Сжав ее пальцы, опускаю ее ладони. – Тебе нельзя столько пить. Женщинам не идет.

– А тебе все равно, – продолжает она, будто не слыша.

Странная реакция на алкоголь: говорит почти четко, а со слухом проблемы. А если она не уйдет, проблемы могут быть у меня. Та, которую жду, может появиться в любую минуту.

– Вызвать такси? Или тебя подвезли?

– К тебе? – она вновь смеется. – Нет, к тебе он бы меня не привез. Он бы меня не отдал, понимаешь? Он – не ты.

Неожиданно она сама отстраняется.

Ее лицо становится жестче, наверное, осознала, как нелепо все: и ее розыгрыш, и встреча, которая уже никому из нас не нужна. Или впервые подумала не о себе, а о ком-то другом.

Если уедет без скандала, забуду про август и спишу на новогоднее чудо.

– Ты никогда меня не ценил. Всегда считал, что я просто красивая дурочка. Поэтому и сейчас мне не веришь. Знаешь все обо мне, а не веришь. И упускаешь один важный момент…

– Лена, хватит. Я знаю, что ты обожаешь шоу. Поэтому должна знать их главный плюс: у них всегда есть конец.

– Шоу. – Она мечтательно улыбается, покачнувшись, хватается за мои плечи. – Шоу должно продолжаться, Лука.

Хищный вздыхает. Пашка начинает вертеть головой. Егор упрямо продолжает втыкать в свой смартфон. У меня начинают от ее когтей побаливать плечи.

– Предупреждаю: рейтинги твоего шоу стремительно падают.

Она обводит взглядом моих приятелей, обходит меня, а потом вновь склоняется и, как и в начале встречи, обжигает мое ухо громким шепотом:

– Это потому, что зрители не знают о маленьком секретике. Твоем секретике. Который я храню у себя.

Сказав эту чушь, она оставляет на моей щеке поцелуй и наконец-то уходит.

– Не стать ей постановщиком-режиссером, – выдохнув, берусь за кружку с освежающим пивом.

– Лука… – произносит Пашка.

– Да и в сценарии явные дыры, – добавляю, подумав. – Эффектное появление в начале, а в конце пустой пшик.

– Лука… – снова зовет меня Пашка и кивает куда-то мне за спину.

Обернувшись, замечаю гостью, которую ждал. Лицо бледное даже без пудры, взгляд настороженный.

– Череп мне в зад, – выдыхаю я, осознав, что последнюю сцену она точно не пропустила.

Поднимаюсь, целую ее в губы, которые с готовностью приоткрываются, хотя она все еще пытается переварить то, что увидела. Но она умная девочка, быстро понимает, что я пригласил ее, а не ту, что ушла. И ее захотел познакомить с друзьями.

– Это Марина. – Положив ей руку на талию, подвожу к столику и усаживаю рядом с собой. – Лев, Егор, Павел.

– Несолидно нас представляешь, – обижается Пашка. – Мы Хищный, Лис и Студент.

– Сова, – с улыбкой представляется и Марина.

– А почему Сова?

– Быстро летает, – ворчу я. – И в основном по ночам.

Напряжение заметно спадает. Немного привыкнув, Марина уже легко поддерживает наш треп. Это несложно: она легкая и мы все на одной волне, помешаны на байках и скорости.

Она впервые в тусовке. Я заметил ее на ночной трассе, когда пыталась меня обогнать. Дал ей фору, возможность поверить в победу, а когда расслабилась, догнал сам.

– Давно? – интересуется Хищный, когда Марина отлучается в дамскую комнату.

– Давно, месяца три.

Они ржут.

– Твоя бывшая выбрала неправильных зрителей, – вспоминает вдруг он. – Вот твой отец бы проникся.

– Угу. Он так давно наседает с вопросом про внуков, что Лена бы отсюда ушла, только сдав для верности парочку тестов. В последнее время вообще только на эту тему бухтит. Не раз ему говорил, что ему проще заделать нового сына.

– А он что? У него же вроде бы кто-то есть.

– Есть. Но он говорит, что ему лень переписывать завещание.

– Да, жаль, что он пропустил, – поддакивает начальнику Пашка. – Еще и эта тема с секретиком… По-моему, если секретик маленький – это уже фигня. Она может его смело выбрасывать.

Киваю.

Тянусь к пиву и…

Отец, маленький секретик, который она хранит у себя, – все эти три нелепые составляющие неожиданно складываются.

– Что? У меня на лице шелуха от рыбы? Кстати, мог бы рыбу и Гном почистить. А то сидишь тут, мучаешься. И главное, заплатить некому, чтобы вместо меня пострадал.

Я не сразу понимаю, что пялюсь на Пашку. Тряхнув головой, перевожу взгляд на Хищного. Похоже, тот вообще сегодня не пил, потому что соображает даже быстрее, чем я.

– Твою же… Хочешь сказать, надо было искать в сети не стишок, а разучивать колыбельную?

– Мне нужно уехать.

Если и дожимать Лену, то сейчас. Пока она на эмоциях и под градусом. Конечно, позже тоже можно надавить на нужные точки, но сейчас будет проще.

Подорвавшись, вспоминаю о Марине. Хреново выходит. Но иначе никак.

– Лука, – Егор передает свой смартфон, – возьми – у меня все записано. Вдруг пригодится?

Дождавшись Марину, говорю как есть: нужно уехать. Да, прямо сейчас.

Не спрашивает лишнего, не упрекает. И во мне что-то щелкает. Не так я хотел это сделать, а с другой стороны – к чему дальше тянуть?

У нас отличный секс, схожесть вкусов, с ней я впервые за долгое время задумался о чем-то серьезном. Она мне нравится. Я ей тоже, я знаю. Нам вместе комфортно. Несколько дней под одной крышей на пробу у нас уже были.

– Возьми. – Подняв ее руку, кладу на ее маленькую ладошку ключи. – Мой адрес ты помнишь.

Глава 10

Лука

– Пришел ко мне… сам…

Лена распахивает дверь, впуская меня. Улыбается, по-настоящему – так, как и раньше, когда трогало за живое.

Взгляд и эта улыбка, мягкий приглушенный свет, аромат хорошего чая мастерски создают иллюзию, что мы еще вместе. И она, видимо, в ней пребывает. Ее пальцы ложатся на мое лицо, пытаются приблизить к себе. Когда видит, что нет отклика, поднимается на носочки.

– Лука… – выдыхает куда-то мне в шею. – Пришел… Оставил всех ради меня…

Иметь дело с иллюзиями опасно – затягивают, в них очень просто поверить. Обхватив ее запястья, опускаю вниз руки.

– Не ради тебя. Ты знаешь, зачем я приехал. Мой тебе совет: не тяни. У меня мало времени, меня ждут.

Понимает.

Конечно, она понимает, хотя утверждает другое.

– А я думала: ты просто соскучился. Думала, что ты понял, что тогда сильно ошибся.

– Да, ошибся. Нам нужно было разойтись раньше.

– Тогда уходи! – через ее томность мгновенно прорывается злость. – Уходи, слышишь? Я не хочу тебя видеть!

– Все изначально было ошибкой. Я не рассмотрел тебя. А ты, видимо, ничего не поняла про меня. – Хлопком закрываю дверь, на которую она мне указывает. – Мне нужна полная информация об этой женщине. У тебя и клиники начнутся большие проблемы. Если ты не дашь мне то, чего я хочу, ее перевернут вверх дном, но я все равно это получу.

Она скептически улыбается.

– Припомни, детка, – скалюсь в ответ, – я хоть раз тебе лгал?

Она нервно сглатывает, отступает на шаг, зачем-то несется вглубь квартиры. Ну что ж, пара шагов – не самый тяжелый путь к намеченной мною цели.

– Я вызову полицию… – Она мечется, видимо, в поисках телефона. – Я скажу, что ты проник в мой дом и хотел меня изнасиловать…

– Детка, тебе нельзя столько пить.

Сев на диван, достаю из-под маленькой подушки ее телефон и под ее затравленным взглядом протягиваю ей. Выхватывает его, косится с опаской, начинает жать на кнопки, наверняка наугад.

– Может быть, первым наберем твоего любовника? – предлагаю, наблюдая за этим фарсом. – Думаю, он имеет право узнать, из-за кого у его «детища» начнутся большие проблемы. Или ты уверена, что ради тебя он поставит свой бизнес на кон?

Она стоит спиной, и я вижу, как напрягаются ее плечи. А потом опускаются, будто их придавили неподъемной плитой.

Включаю запись на телефоне Егора, и тишина квартиры вздрагивает от голоса хозяйки:

– А знаешь… Не верь… Я не хотела тебе говорить… пусть бы он рос в нищете, а ты даже не знал…

– Но мне так захотелось увидеть тебя. Захотелось увидеть, что ты почувствуешь, когда будешь знать. Не хотел быть со мной… несерьезно все было, да? Не хотел что-то кардинально

менять. А я изменила. Просто знаешь, мне захотелось не только отомстить тебе, а увидеть это… а ты…

Оборачивается.

В ее глазах вызов, протест, которые я гашу на корню.

– Как ты понимаешь, это лишь часть твоего монолога, но у меня действительно не так много времени, чтобы устраивать твой бенефис. Поэтому кратко. Как думаешь, какая твоя цитата его больше заинтересуют? Первая? Или вторая?

– Здесь ничего нет, – дрогнувшим голосом отпирается она. – Здесь нет никаких доказательств. Я пошутила, понятно?

– Как скажешь, моя дорогая бывшая, – поднимаюсь с дивана. – Тогда увидимся завтра в клинике. Вы ведь по субботам тоже работаете?

Сначала в спину несется ее сдавленный голос:

– Ты… ты не будешь… ты не любишь пользоваться своими связями, ты сам говорил…

А дальше ее толкает страх, и она ловит меня за руку уже у двери.

– Ты же сам говорил, – повторяет она. – Я не верю, что ты обратишься к отцу!

– Почему нет? Ты знаешь, что именно из-за него я пришел в вашу клинику. Думаешь, ему будет не интересно узнать, что у него может появиться внук? При той судьбе, которую ты описала ребенку, уверен, он хорошо постарается.

Она бледнеет даже через слой пудры с загаром. Может, трезвеет наконец окончательно. А может, впервые осознает, что натворила.

– Но для начала взломают всю вашу базу. Эти связи давно мне должны и будут рады снять с себя долг. Ну а потом, когда у меня будет вся информация, я зайду с партией хорошего чая к хозяину одного телеканала. Знаешь, когда долго живешь вдали от цивилизации, иногда хочется поболтать по душам.

Она знает, что это не блеф, потому что знакома с человеком, о котором я говорю. И с многими другими, которые могут испортить ей жизнь и которых она сейчас явно припоминает.

Не все из них поклонники хорошего чая. Просто многие из них любят скорость и байки и по вечерам с готовностью меняют на это дорогие костюмы и галстуки.

– Я все сделаю… – Она обхватывает шею ладонью, словно эти слова ее душат. – Я сделаю все, что ты просишь…

– Я не просил тебя, детка. Я поставил условие.

Поспешно кивает.

– Я хочу знать, как, когда и почему ты это сделала.

Снова кивает.

И начинает рассказывать. Несет явный бред, слишком похожий на правду. Разозлилась, нет, была в ярости… я ее бросил, не захотел все серьезно, а она так надеялась… так ждала меня, а едва я вернулся… Ну если уж она не подошла, то как раз неудачница, которая еле наскребла на чужую сперму… страшная такая, что и мужика своего нет… а ей подавай заграничного папу, ага… так просто совпало… долго молчала – не выдержала, хотела увидеть…

– Не повторяйся, – прерываю ее.

По второму кругу слушать то, что она уже говорила в баре, желания нет.

– Информация.

Она скрывается в комнате, слышно, как щелкает мышка, шорох бумаги. Минут через десять она появляется с папкой и флешкой.

– Вот.

– Ты все документы клиники хранишь дома?

– Нет. Только эти. Это всего лишь копии. Я хотела…

– Я уже понял, чего ты хотела, – перебив, открываю дверь. – Не вздумай прятать оригиналы, за ними завтра придут.

– Но… – Мертвая хватка на моем запястье, затравленный взгляд. – Оригиналы нельзя просто взять и изъять! Иначе Олег что-то заподозрит, а ты обещал!

– Как оказалось, можно даже донора подменить и сделать им того, кто не давал на это согласия. С любовником разбирайся сама, меня это не волнует. Мой тебе совет – можешь им пренебречь. Тебе лучше обо всем ему рассказать. Если он так тебя любит, как ты говорила, между вами ничего не изменится, хотя из клиники вышвырнет.

– Думаешь, он такой же, как ты? Вы разные! Это ты меня вышвырнул! Вышвырнул меня из своей жизни! А он… – ее голос становится сиплым, печальным. – Он совершенно на тебя не похож…

– Да, – соглашаюсь. – В отличие от него, я не умею делиться.

Выйдя за дверь, я слышу сдавленное, через запоздалые всхлипы:

– Ты знал? Ты… тогда знал?

Эти вопросы уже без ответа.

Да и к чему они? Ответами дыры не залатаешь и прошлое не исправишь. Гадать, чья вина, бесполезно. Я мог не уезжать так надолго. Она могла определиться, а не метаться между двумя.

Наверное, мы оба могли что-то сделать для того, чтобы сохранить отношения.

А если не сделали, значит, ни одному из нас они не нужны.

Выйдя на улицу, глотаю чуть прохладный воздух последнего летнего месяца. Бегло просматриваю документы, так же бегло подсчитываю – восемнадцать недель… моему ребенку уже восемнадцать недель…

Телефонный звонок вырывает из мыслей. Взглянув на абонента, в который раз убеждаюсь, что у него профессиональная чуйка без сбоев работает.

– Ну что ты там, всех баб перемял? – басит трубка отцовским голосом. – Уже можно старику тебя наставлять?

– Давай, – соглашаюсь я, сворачивая результаты его предыдущего наставления.

– Я тут стишок один написал…

Подняв голову вверх, я смеюсь. Долго. Отпуская накопившееся, застарелое. День рождения – это странный день, который вычеркивает год твоей жизни, но за это иногда исполняет желания.

– Слушаю, – говорю, отсмеявшись. – Ты там только на экране шрифт увеличь, чтобы не сбиться.

Отец бухтит, мол, неправильно это – поучать старших, но, скорее всего, к совету прислушивается. Тянет чуть время.

Но читает он хорошо, с выражением. И хорошо, что стихотворение долгое – я успеваю остыть.

Дорога не любит пренебрежения и берет за это слишком высокую плату. Именно это и стало решающим моментом, что я обратился в клинику и сдал на хранение сперму.

Сначала на трассе погиб Ветер – слишком быстро летал, слишком полагался на собственный опыт. Тридцать пять, жить да жить – не срослось. Потом сбили Вепря. Не его вина, но смерть виновников не искала. Забрала и того, и другого.

Отец тоже их знал. И то, что у них не осталось семьи, и то, как безутешны родители. Мы оба знали, видели, как они почернели буквально за несколько дней.

До этого отец просто иногда намекал, что был бы рад внукам. А тут стал ворчать, убеждать, доходило до ссор. Я злился, он был упрям. Мне казалось, это никогда не закончится.

А потом он вдруг сдался. И это самое страшное – видеть, как сдается такой сильный и родной человек.

Наплевав на все, я выбрал клинику и прошел унизительный ритуал с рукой и пробиркой.

Плевать.

Зато, в случае чего, у отца был бы внук. Он ради меня делал и делает куда больше. И я хотел, чтобы у него оставался смысл в жизни.

– Все понял? – интересуется он, закончив читать.

– Да.

Я с трудом могу припомнить, что было в этом стишке. Понял в который раз только самое главное – то, что он меня любит.

– Тогда приступай! Не зря тут говорится про маленьких утят. Кстати, мне тут птичка на хвосте принесла, что у вас появилась новая барышня. Кто она? Кто такая?

– Сова.

– О! Сова! В вашем зверинце прибыло, значит. Говорят, возле тебя она только и кружит, летает.

– И что?

– Да ничего, – фыркает он. – Но ты на досуге погугли, чем совы питаются.

Глава 11

Лука

Когда-то давно отец с торжественным видом подарил мне подшивку своих журналов «Юный натуралист», так что я в курсе, что совы – хищники, которые, впрочем, иногда питаются насекомыми.

Тогда я пролистал журналы из вежливости – кто ж знал, что однажды это сэкономит мне время.

Намекает на то, что сова может сожрать паука? Моя сова не такая. Хотя повод укусить у нее есть. Пригласил на знакомство с друзьями и бросил.

По-дурацки все вышло.

Но она меня ждет.

В доме горит свет, аромат мяса чувствую еще на крыльце. Услышав, что я приехал, выходит навстречу. В домашних штанах, футболке – выглядит и ведет себя так, будто мы уже давно живем вместе.

– Проголодался?

Поцелуй в губы, долгий взгляд, который не хочется отпускать.

Обнимаю ее, просто обнимаю, наслаждаясь теплом ее тела и уютным молчанием. И тем, как красиво блестят ее длинные светлые волосы. Как будто по ним бегут маленькие задорные светлячки.

Успокаивает.

Заставляет вернуться в реальность. В эту реальность, где я предложил женщине жить в своем доме.

– Освоилась?

– Легко, – улыбается. – Ты ведь уже проводил мне экскурсию.

Сомневаюсь, что на этих экскурсиях мы выбирались из спальни. Но она умная девочка, справилась. В гостиной фоном бубнит телевизор, подушки не раскиданы по полу, а уложены так, как предрекал им дизайнер. На кухне не холодные блюда, оставленные домработницей, а горячие, от которых мгновенно просыпается аппетит.

Наверное, так и должен выглядеть дом.

После ужина Марина закидывает посуду в посудомоечную машину. Мне только и остается, что наблюдать за ее уверенными движениями. Закончив, идет ко мне – уже иначе, плавно, даря предвкушение.

– Я тебя сегодня так и не поздравила, – зарывается пальцами в мои волосы, дразнит губами, распаляет жарким дыханием.

– Я готов принимать подарки.

– Да, – смеется, садясь на мои колени, – чувствую, что готов.

Она открытая для всего – не зажимается, не стесняется. Знает, чего хочет сама. Знает, как нравится мне.

Наблюдать за тем, как приоткрывается ее рот и из него вырывается бессвязный шепот, когда мы сталкиваемся телами, – вылет из этой реальности хотя бы на время.

На подоконнике лежат документы и флешка, но сейчас не до них.

Думать о другой женщине, когда в твои губы так стонут, – не хочу, после, потом. Сейчас мне хочется все забыть, и Марина с этим справляется. Будто чувствует, топит в страсти, отдается, тоже выбросив все мысли из головы.

Кухня, гостиная с подушками… в какой момент мы оказываемся в комнате, вряд ли соображу.

Не до этого.

Ее волосы мягкие, такие мягкие, мне нравится их сжимать в кулаке. И огонь, который бурлит, плещется подо мной, извивается, нравится тоже.

– Лука… – ее шепот на выдохе.

– Я здесь, детка.

На миг в ее взгляде мелькает веселье. Наверное, хочет сказать: «Конечно, здесь. Кто, как не я, это чувствует».

А потом тоже обо всем забывает. Не до смеха и слов. Только и остается, что чувствовать. Жить, наслаждаться, задыхаться, умирать подо мной… и снова учиться дышать…

После она засыпает. А я долго пялюсь в потолок с тенями, которые рисуют причудливые фигуры. И почему-то в каждом изгибе теней вижу женский силуэт с животом.

В который раз прокручиваю разговор с бывшей. Может, она соврала? И тут же отбрасываю эту малодушную мысль. Слишком многое стоит на кону, слишком многое уже рушится.

Нет, она действительно это сделала.

И где-то в этом городе, быть может, по тем же улицам, что и я, ходит женщина, которая ждет от меня ребенка.

Страшная, бедная, возможно, даже недоедает. А я ел шашлык.

Теперь он колом стоит в горле.

Какой здесь сон? Иду на кухню, вспомнив, прихватываю по пути ноутбук. Фотографии будущей матери нет, и понятно: донор-то я. Изучаю что есть – двадцать девять, не замужем. Если так рано решила обратиться к врачам и выбрала такой метод, похоже, бывшая не солгала насчет внешности.

Ладно, проехали. Ребенок все равно будет похож на меня, у нас в роду сильные гены. А с его матерью мне не спать. Мы вон изначально без этого обошлись. С деньгами вопрос я решу. Так же как и с питанием.

Остается последний вопрос: как к ней подкатить с новостями про то, что ради меня бортанули француза?

Подсматривать из-за угла, тянуть время, пока мой ребенок, возможно, в опасности – гиблое дело. Поэтому уже утром в субботу, пока Марина отсыпается, я прошу одного приятеля при погонах и должности заглянуть в клинику за документами, а сам отправляюсь по адресу. И долго звоню в закрытую дверь.

– Чувствует, что ли, она, что пришли перемены? – бухчу я.

– Вы к Наташе? – раздается позади меня старческий голос.

Обернувшись, вижу любопытную старушку в панамке.

– Да, к ней.

– Нет ее. Уже ночь как дома не ночует. Уехала куда-то с подружкой на такси. Судя по сумке, которую тащила подружка, надолго уехала.

Поблагодарив, спускаюсь на улицу. А тут и правда опасно – за секунду выдали ценную информацию для любого грабителя.

А если она так болтает отнюдь не из-за того, что я внушил ей доверие с первого взгляда? А если она так со всеми?

– Студент, – нахожу занятие для того, кто мается от безделья все лето. – Ты что там, спишь еще, что ли?

– А чо бы и нет? – возмущается он. – Между прочим, я вчера старался, ты нас бросил, а я от всей души с твоими друзьями праздновал твой день рождения.

– Ясно, им сегодня звонить бесполезно. А ты давай собирайся, к тебе дело есть.

– Я могу отказаться?

– Конечно. Наверное, мне послышалось, что ты просил о мастер-классе от лучшего байкера.

– Правда согласишься?!

Кажется, он наконец просыпается.

– Если отработаешь верой и правдой.

Студент обучается быстро – выслушивает задание молча, только глазами от удивления часто моргает. И остается на страже. Отъезжая от дома, я вижу, как он втирается в компанию малолеток, но мне и неважно, как именно он решит этот вопрос. Главное – результат. И он появляется вечером в воскресенье.

– Слушай, она приехала, и я ее видел! – захлебываясь восторгом, говорит он. – Тебе реально подфартило! Красивая девочка, я бы и сам…

– Свободен. Отбой.

Приободренный новостями, я еду на встречу. Черт знает, что дергает меня купить воздушные шарики.

Я выгляжу как придурок с этими пляшущими облаками у себя за спиной. Да и вообще как-то все…

С другой стороны, это первая встреча с ребенком. А жена Хищного, да и Малая, сестра моя, уверяли, что ребенок уже все понимает. Мне просто хочется, чтобы он понял, почувствовал, что этот мир полон красок. Куда более ярких, чем он сейчас видит.

Звоню.

И на этот раз дверь открывается.

Моя первая мысль, когда я вижу маму своего будущего ребенка? Пожалуйста. Я до сих пор ее помню:

«Бедный Студент, у него совершенно нет вкуса. Его облапошит любая!»

Была и вторая. Емкая. Неприличная.

А третья пришла запоздало…

Она.

Та, которая стянула шнурок с моей головы, но вместо того, чтобы тоже с себя что-нибудь снять – в конце концов, на это все намекало, – она взяла и сбежала!

Одно надувательство с этим шнурком. Как-то в Тибете, года полтора назад, отдыхали мы с приятелем у костра, и к нам прибился какой-то монах. Только и помню – узкие глаза и то, что он был жутко голодный. Приютили, накормили, чем было. Даже сожалели, что до его прихода слишком много сожрали.

Он сказал, что отблагодарит нас за такое гостеприимство. А утром вместо денег, которые исчезли из моего бумажника, я обнаружил этот шнурок и записку с инструкцией носить его при себе. А еще пояснение, что означает надпись, которую он туда вплел.

– А вдруг это хороший обмен? – спросил приятель, с которым мы вместе путешествовали.

Понятно, что он мог позволить себе в это верить. У него ведь ничего не украли. А я, видимо, слишком надышался чистым воздухом, потому что вдруг тоже проникся и даже закрепил этот шнурок на запястье.

А потом в ближайшем поселении местный житель, заметив эту побрякушку у меня на руке, спросил:

– Вы что, тоже судьбу зазывать к Норбу ходили? И на сколько он вас раскрутил? Вот ведь талант – он даже буквы путает, а к нему все ходят и ходят!

Взглянув внимательней на шнурок, я понял, что так и есть. Буквы вроде бы и понятны, а такое ощущение, что вразброс. Гуглопереводчик разве что не крутил у виска, когда я вводил в него этот шифр. Местные даже не парились.

– Да чушь это все! Он и не монах вовсе – не выдержал обучения.

– Выгнали? Наверное, что-то украл?

– Нет. Однажды просто ушел, да и все. Не стал бы он воровать. Это грех. А взять плату за липовый ритуал или негодную побрякушку, вот как у вас, это мог.

– Вот так и делай добро, – проворчал мой приятель.

– Забей, – отмахнулся я. – Видимо, он сильно обиделся, что мы ему слишком мало оставили. Будем считать это платой за чревоугодие.

Странный шнурок, кстати, оказался очень удобным. Через пару месяцев я его оценил – мы тогда в путешествии долго болтались, волосы отросли. Один раз перехватил им – нормально.

О смысле послания, которое зашифровал тот псевдомонах, я больше ни разу не вспоминал.

До этого дня.

Пока не увидел на пороге беременную подражательницу Фантомасу.

Смешная.

Она говорит со мной. Спорит. Ищет какие-то аргументы и доказательства, что я ошибаюсь.

А я смотрю на нее и понимаю, что нет. Теперь я на двести процентов уверен, что прав. А тест…

Тест – для нее. Чтобы успокоилась, приняла эту мысль, чтобы привыкла к ней. Потому что уже не раскрутимся.

Странно это – смотреть на женщину, к которой толком не прикасался, а у нее в животе твой ребенок.

Ни один из нас к этому не готов.

Не знаю, почему моя бывшая выбрала именно ее. Квартира не очень большая, но в ней хороший ремонт. Страшная? Нет. Помню, что меня тогда повело. Нищая? Я бы так не сказал. В хорошей физической форме, судя по тому, как она быстро сбежала из бара.

Упрямая – да.

Разговор получается жестким. Не таким, как я думал. В первую встречу у нас получалось лучше, было куда больше точек соприкосновения. И понимали мы друг друга значительно проще.

А сейчас…

Она явно расстроилась. Я же выхожу из гостей без чаепития и голодный, хотя у нее был не только мед, который она предлагала, но и пирожки. Много пирожков, я на них медитировал, пока она спорила. Да и халвы, судя по всему, завались.

Похоже, это традиция. Какое-то надувательство от всех, кто хоть как-нибудь связан с этим шнурком.

Глава 12

Наталья

– Так, сегодня я у тебя сплю не потому, что мне лень ехать ночью домой. Я спасаю твое душевное равновесие, – объявляет с порога Ира. – Поэтому, если что, критику не принимаю!

– Храпи на здоровье, – растрогавшись, что она сорвалась и приехала, даю разрешение. – Я все равно не усну!

– Отставить слезы! – командует она, заходя в квартиру и бросая сумку на пуфик. – Сейчас мы найдем плюсы и ты снова начнешь улыбаться.

– Давай поскорее, а? – прошу я с надеждой. – Пока ты добиралась, я извела пачку салфеток и не уверена, что у меня есть еще.

– Ну правильно, – бухтит она, направляясь на кухню. – А потом ты продемонстрируешь мне опухшее лицо и скажешь, что это все из-за того, что я подсунула тебе некачественную халву. И провал эксперименту с домашней косметикой. А я как раз в журнале новые рецепты вычитала!

– Нет, халву твою похвалили, – вздыхаю я, щелкнув чайником. – Но с новыми рецептами, скорее всего, без меня. Как-то стремно все получилось.

Ира усмехается. Не дожидаясь, пока закипит вода, подхватывает один пирожок и жует его, хитро щурясь.

– Стремно или непривычно? – хмыкает она. – Вас же тогда в баре было не оттащить друг от друга! Небось и сейчас при виде него все внутри забурлило?

– Почти. Душа ушла в пятки, сердце остановилось, язык спрятался за зубами. Я только и могла, что молчать и смотреть.

– И как он тебе без коктейлей и при другом освещении?

– Большой, угрюмый и властный. Я бы к нему в жизни не подошла! Не знаю даже, как тогда так получилось. Как будто не про меня. Все это было большой ошибкой, видишь, к чему привело.

– Большой ошибкой было сбежать, – вздыхает Ира. – Подумать только: останься ты – и сколько бы сэкономили денег!

– Да нет, я бы… не думаю, что мы бы с ним…

– Ничего, поправите свой бюджет, – утешает она. – У вас есть прекрасная возможность сэкономить на презервативах.

– Ир, сейчас все иначе. – Я киваю на свой животик. – Даже если бы он мне понравился, даже если бы голова закружилась, как тогда в баре, такие гимнастические упражнения точно не для меня. У меня совсем другие мысли и цели, я не думаю о мужчинах. Совсем. Я и этого не хочу впускать в свою жизнь.

– Но тогда…

– Коктейли, адреналин, борьба со страхами, проводы Степана, – перечисляю причины. – И тогда мы оба были свободны.

Мне приходится дважды слово в слово повторить то, что сказал мне Лука, потому что Ира пьет чай, жует пирожок, слушает и не верит.

– Странно все это. Тут мужики, с которыми годами встречаешься, за которых замуж выходишь, бросают своих детей и исчезают на горизонте. А этот, ты говоришь, в отношениях, а вцепился в тебя так, будто у него отбирают последний шанс на ребенка. Прямо вымирающий вид. Как твои любимые мамонты.

– Это и есть твой обещанный плюс?

– Это бонус. Мои размышления. А плюсы на ладони – француз кучерявый, а они часто слишком рано лысеют. Как по мне, лысым быть хорошо, только пока ты в подгузниках. У твоего с растительностью полный порядок. Байки стоят прилично, поэтому сдать сперму его подтолкнуло точно не бедственное финансовое положение. Дальше. Ты можешь с чистой совестью избавиться от пылесборника, который прикупила по совету чужого нам папы. Если не спится, ты можешь считать не барашек, а эксклюзивно – шары. – Взглянув на разноцветную парочку, которая кружит под потолком, она отодвигает от себя чашку. – Ну и, надеюсь, он научит тебя разбираться в чаях, потому что этот и правда отвратный, а кофе на ночь я пить не могу.

– Есть компот.

– Не будем понижать градусы после наливки. Давай вино, я знаю, что оно так и осталось.

В одном бокале вино, во втором – вкусный компот, поэтому мы долго сидим. Сидим и болтаем.

Устав и вдоволь наговорившись, собираем все шарики и запускаем их в мою комнату. Ну, чтобы опробовать метод Иры и попытаться все же уснуть.

– Наташ! – кричит она из гостиной, когда мы уже улеглись. – Ты завтра уточни у него: это была одиночная акция благотворительности? Или с ним еще кто-то участвовал?

– Уточню, – улыбнувшись, обещаю я и закрываю глаза.

Сон не идет. Слишком много мыслей и страхов: как теперь будет, что изменится и смогу ли я это принять?

Принимая решение об ЭКО, я готовилась к тому, что буду растить ребенка одна. Только я и он. И никто нам не нужен.

А теперь появляется мужчина, которого я совершенно не знаю и который сразу сказал, что намерен присутствовать в жизни моего малыша.

Нужно поговорить с ним. Выслушать его, поставить свои условия, провести границы. Может, я зря вообще паникую? У него ведь насыщенная личная жизнь, и если он с кем-то встречается, если у него не просто так, а серьезные отношения с девушкой, вряд ли ей все это понравится.

Может быть, он просто хочет убедиться, что с его ребенком все будет в порядке, и снова исчезнет?

И эти шарики вполне могут быть первым и последним подарком ребенку от папы. У меня не было ни одного.

Перевернувшись на спину, я долго смотрю на шарики и сама не замечаю, как засыпаю.

Будит меня телефонный звонок. Долго вожу рукой под подушкой, а найдя пропажу, сонно щелкаю по зеленой кнопке.

– Привет, выспалась?

Я не сразу узнаю мужской голос, не сразу окончательно просыпаюсь, поэтому, сладко зевнув, признаюсь:

– Нет. Можно еще хотя бы полчасика?

Молчание.

А потом…

– Хорошо, я перенесу встречу на полчаса.

И даже не это разрешение, а скорее легкое замешательство, которое я ощутила, заставляют меня узнать мужской голос и оторвать лицо от подушки.

– Лука?

– Если бы знала, с кем торгуешься, попросила бы больше? – усмехается он. – У тебя лишние полчаса, поэтому я буду в девять.

– Ты хочешь заехать за мной?

– Так будет быстрее.

– На мотоцикле?

– Да.

– Боюсь, ничего не получится.

– Наоборот, только так и получится. Сейчас начинаются пробки и добраться куда-нибудь на машине – только время терять.

– На мотоцикл я не сяду. Я их боюсь, не умею ни сидеть, ни держаться правильно и только мешаю водителю. Лучше скажи мне адрес, и мы встретимся уже там.

– Кто тебе это сказал?

– Что у нас с тобой встреча? – Я улыбаюсь. – Ты.

– Нет. То, что ты только мешаешь водителю.

Говорит спокойно, а в голосе появляется жесткость. Как будто ему не все равно и он планирует разобраться с теми, кто просто открыл мне на правду глаза.

– Никто! – возражаю поспешно.

Прошу скинуть адрес, говорю, что уже собираюсь, радую тому, что, скорее всего, успею и переносить встречу не нужно.

– Хорошо, – отвечает, помедлив, он.

Или он никуда не торопится. Или он мне совершенно не верит.

Мне кажется, он хочет еще что-то добавить, спросить, но неожиданно по ту сторону трубки раздается женский голос:

– Лука, ты так рано поднялся, а я без тебя…

Связь обрывается.

И только спустя минут двадцать, когда я уже почти в полной готовности, мне поступает смс-ка с адресом и сообщением, что встречу он все-таки перенес.

Лишние полчаса выходят боком не только мне. Я успеваю развести на кухне бардак и нажарить стопку блинчиков, а Ира их почти полностью уничтожить.

– Я с тобой скоро поправлюсь! – вздыхает она и тянется за еще одним. – Придется точно у шефа прибавку к зарплате просить. Я на новый гардероб не рассчитывала.

– Может, тебе лучше выпить еще одну чашечку кофе? Он на боках не останется.

– Ага, конечно. Кофе у меня и на работе хватает, а такие блинчики там печь не умеют.

– Обычные блинчики не умеют? То-то ты никогда не приглашала меня посидеть в вашем ресторане!

– Не обычные. – Ира резко поворачивает ко мне голову, отчего ее длинные сережки начинают дрожать: хозяйка не в настроении, как же. – Хватит уже себя принижать. Забудь о том, что тебе пытался внушить Степан. У тебя лучшие блинчики, которые я когда-либо пробовала. Даже этот, который слегка подгорел. А знаешь почему?

– Потому что кто-то всю ночь не ел и копил аппетит?

– И поэтому тоже, – кивает она. – Но самое главное – они приготовлены с душой и любовью.

Нет, это невозможно, я с этой беременностью становлюсь просто тряпкой. Стою, вытираю посуду, а заодно незаметно и уголок глаза. Так не годится: надо вечером салфеток купить, и побольше.

– Пойдем, Пончик. – Взглянув на мобильный, Ира с сожалением оставляет на тарелке три блинчика. – Такси уже ждет.

– Да я думала на маршрутке…

– Вот еще! Я все равно буду проезжать мимо вашей клиники. Какой там у нее, кстати, адрес?

Она уже мчится в прихожую, крутится у зеркала. И не видит, что я опять обнимаюсь с кухонным полотенцем. Мимо, как же, а то я не знаю. Она просто поняла, что я начинаю чуть

ужиматься и не хочу тратить деньги там, где могу сэкономить. Не то чтобы у меня их не было. Но нужно ведь думать о будущем, да еще за двоих.

Пока она прихорашивается, я кладу в судок оставшиеся блинчики. У меня все равно аппетита нет. С трудом заставила себя съесть апельсинку. Без понятия, захочется ли есть на работе, но я беру с собой рыбное филе и авокадо. Надо. Кого сейчас волнует мое «хочу»?

– Вот теперь я готова к работе! – принимая судок с блинчиками, объявляет подруга.

На душе становится так тепло, хорошо, что я даже забываю о волнении. Улыбаясь, выхожу из квартиры следом за подругой, и тут же тянет вернуться обратно. Кто-то из жильцов явно злоупотребляет парфюмом. Запах тяжелый, густой, если бы меня не подташнивало, уверена, я бы легко вычислила квартиру транжиры.

Но я спешу – скорее на улицу, скорее, хотя бы глоток свежего воздуха!

– Фу-ух…

На улице тошнота отступает. Но чтобы такое не повторилось в машине, я сразу сажусь на заднее сиденье. Запах водителя тоже довольно насыщенный, но терпеть можно. Спасаюсь мятной конфеткой, смотрю в окно – чуть-чуть отвлекает.

Луку я замечаю издали. Мне кажется, его невозможно не заметить, и даже не потому, что на стоянке у клиники только один байк – его. Просто он выделяется из всех. Своим телосложением, грозным видом, ощущением какой-то свободы вместо рамок условностей.

Ему все равно, что на него засматриваются женщины. Без разницы, что пробегающие мимо мальчишки ошалело пялятся на массивный байк, к которому он прислонился. И так же без особого интереса он встречает наше такси.

– Ух, какой! – восхищенно выдыхает подруга. – Я передумала: он не мамонт. Он викинг!

– Ты не передумала. Ты просто сейчас читаешь про викингов и пытаешься натянуть на него этот образ.

– Тут если кто кого и натянет, так он. Ты посмотри – какие волосы, борода, а фигура! А взгляд… да от одного его взгляда могут горы попадать! Ой, куда это меня клонит? Я, кажется, падаю!

– Ты прилипла к стеклу. Оторвись, а то он нас заметит!

– Мне казалось, в этом суть твоей поездки сюда. Увидеться с ним. Ты же собираешься к нему выходить?

– Собираюсь, ага. Только что-то опять немного волнуюсь. И меня опять немного подташнивает.

– Может, нам пора ехать? – услышав такое дело, с надеждой спрашивает водитель у Иры.

– Сейчас, сейчас, – отмахивается она, едва не выдавливая стекло своим носом. – Нет, какой экземпляр, а руки… посмотри на его руки…

– Обычные руки, – нервно сглатываю я, рассматривая татуировку, тянущуюся от его плеча к запястью.

Так как он в футболке, обзор довольно обширный. Мне кажется, у него есть тату даже на шее. Или это то же, что и на плече, просто тянется так рисунок?

– Не обычные. Теперь я понимаю, почему викинги за короткие набеги успевали своровать так много девушек сразу. Некоторых они несли на этих обалденных плечах, а некоторые сами бежали вприпрыжку. А ты просто ревнуешь.

– Не говори ерунды. Кого мне здесь ревновать? Он же не мой.

– Если мужик немой и не может однажды проговориться об изменах, это не значит, что повода для ревности нет, – делится таксист жизненным опытом, тоже рассматривая наш объект наблюдения.

– Ладно, пойду я.

А то как начнешь пояснять, что к чему, еще пройдет полчаса, а у меня, между прочим, клиенты. И так спасибо, что согласились передвинуться немного по времени.

– Не забудь узнать то, о чем я просила! – шипит в спину подруга.

Киваю, подав знак, что услышала. А то ведь выйдет следом и спросит в лоб. А я найду подходящее время и сделаю это более деликатно.

Выйдя из машины, одергиваю блузу. Она свободная, не задралась – но мало ли? Пробегаюсь взглядом по льняным брюкам – не очень нарядно, так я и не на свидание. У меня нет цели понравиться.

Но когда Лука, поворачивает голову и замечает меня, по спине невольно ползут маленькие огоньки. Долгий взгляд, пристальный, и мне кажется, я вижу в нем удовольствие.

Мимо также проходят женщины – красивые, в облегающем, перешептываются мальчишки. И они тоже не интересны ему. Он внимательно наблюдает только за тем, как я приближаюсь. Такое ощущение, что любуется.

Встряхиваю головой, чтобы прийти в себя. Страшно представить, что бы мне лезло в голову, если бы я, как и Ира, читала романтические романы. Нет, мне сейчас такое точно нельзя.

Пожалуй, не буду спешить избавляться от книжек, что рекомендовал мне француз.

Глава 13

Наталья

– Привет, – говорю я, приблизившись.

Его взгляд продолжает блуждать по мне – очерчивает фигуру, изучает лицо, вызывая странное ощущение, будто он прикасается к нему пальцами. А потом взгляд падает на мои губы и… застывает там.

Блеск, что ли, размазался? Так и знала, что нужно было воспользоваться устойчивой помадой.

Я начинаю нервничать, и его взгляд поднимается вверх, пересекаясь с моим.

Молчит.

Почему он так долго молчит?

Ах да, он же сейчас видит меня без халвы и репейного масла. А первая встреча была давно и не при дневном освещении.

– Пытаешься определиться: я это или нет? Нужно было в качестве пароля взять с собой еще шарик? Прости, я была уверена, что хватит и одного.

Его губы слегка раздвигает улыбка.

Взгляд уже не жадно и напористо, а осторожно опускается к моему животу.

– Пытаюсь привыкнуть к тому, насколько красиво ты выглядишь. И лишний раз убеждаюсь, что у меня безупречный вкус.

Ой, а вот сейчас он зря смотрит в глаза, потому что я невольно смущаюсь. И чтобы он не заметил, киваю на клинику.

– Почему именно здесь? В «Материнском инстинкте» хорошие врачи.

– Там не учитывают желания папы.

– Думаешь, там такие тесты не делают? Мне казалось, они могут все.

– Даже больше, – кивает он. – Например, подменить донора спермы без согласия с обеих сторон.

Хорошо, что он сам затрагивает эту тему. Потому что во время его визита я была так растеряна, что ничего не спросила: как, почему и зачем? Я была уверена, что с донором – это случайность. И он об этом тоже случайно узнал. А оказывается, все гораздо серьезней.

– Ты так уверенно говоришь, будто знаешь даже, кто это сделал.

– Моя бывшая. Она работает в той клинике.

– Тамара Васильевна?! – выпаливаю я в шоке, а потом пытаюсь немного сгладить свое удивление. – Нет, она, конечно, женщина видная. Даже издалека. И то, что она старше тебя лет на двадцать… эм… на пятнадцать… для любви не преграда. Я все понимаю. Но она показалась мне милой и доброй и так поддерживала меня. Не могу поверить, что она способна на такую нелепую месть.

– Думаю, она действительно такой замечательный человек, как ты говоришь. Нет, Тамара Васильевна здесь ни при чем. Это сделал другой человек. Но доверия к этой клинике у меня больше нет. Пойдем.

Он уверенно берет меня за руку, чем на какое-то время сбивает все мысли. Мы идем к клинике, начинаем подъем по узкой и длинной лестнице. У нас серьезное дело. А я почему-то думаю только о том, как его пальцы сжимают мои. Надо как-то настроиться на деловой лад.

– А почему она выбрала именно меня?

– Хороший вопрос, – усмехается Лука. – Думаю, неудачный расчет: не в первый раз промахнулась.

Не уверена: это комплимент мне или нет? Хорошо или плохо? Ну и от волнения начинаю болтать.

– Мне кажется, если вы плохо рассталось, лучшей местью было бы самой родить от тебя. И тебе бы пришлось с ней общаться.

– У нее были другие планы на свою личную жизнь.

– Были? То есть они изменились?

– Почти уверен, что да.

– А твоя сперма осталась?

Он останавливается так резко, что я еще делаю пару шагов, а потом уже торможу, потому что он не выпускает мою ладонь из своей.

– Подожди секунду. – Он отходит в сторону и кому-то звонит. – Петр? Ты уже уехал из клиники? Слушай, не в службу, а в дружбу…

О чем он говорит дальше, не слышу. Во-первых, потому, что часть его слов уносится ветром. А во-вторых, потому, что мимо проходит какой-то маньяк, задушивший пузырек из духов.

Не могу…

Не могу…

Так тошнит, что начинает все расплываться, а мы на ступенях, на середине длинной лестницы, и я просто не успею никуда добежать…

Такого сильного приступа у меня еще не было. И будто этого мало, мимо проходит кто-то, кто явно принимал душ из одеколона с сильной нотой гвоздики.

– Натали… Наташ…

Я слышу голос Луки, но не могу обернуться. Мне плохо, нечем дышать, я задыхаюсь, тошнит. Но я не могу ему объяснить. Ищу хоть глоток свежего воздуха, чтобы прийти в себя. И только беспомощно отворачиваюсь, когда он пытается меня обойти.

Мое лицо обхватывают его руки. Наверное, он снова рассматривает меня – я ничего не вижу от подступающих слез.

Не знаю, как он это делает. Но он каким-то образом расчищает пространство, и мы буквально в два шага оказываемся у края лестницы. Он разворачивает меня к ветру, а сам становится сзади. Отводит от моего лица волосы, собирает их, намотав на кулак, и в приказном тоне упрямо повторяет:

– Дыши… дыши глубже… чуть медленней…

Спустя какое-то время я действительно чувствую, что это действует: тошнота отступает, я снова могу спокойно дышать. Но отнюдь не из-за того, что он повторяет эти слова будто мантру. И не из-за того, что теперь, когда он всех от нас отогнал и заставил обходить по дуге, я начинаю улавливать свежий воздух.

А потому, что он очень близко и вместе с глотками свежего воздуха я втягиваю в себя запах его парфюма.

Терпкий, чуть горьковатый – ноты смешаны, я не могу уловить их отчетливо. Но с каждым новым вдохом мне становится легче.

– Как ты?

Кивнув, разворачиваюсь.

Утыкаюсь носом в его футболку. И понимаю, что нужно было сразу так сделать. Так горьковатые ноты ощущаются четче, дурнота отступает быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.